

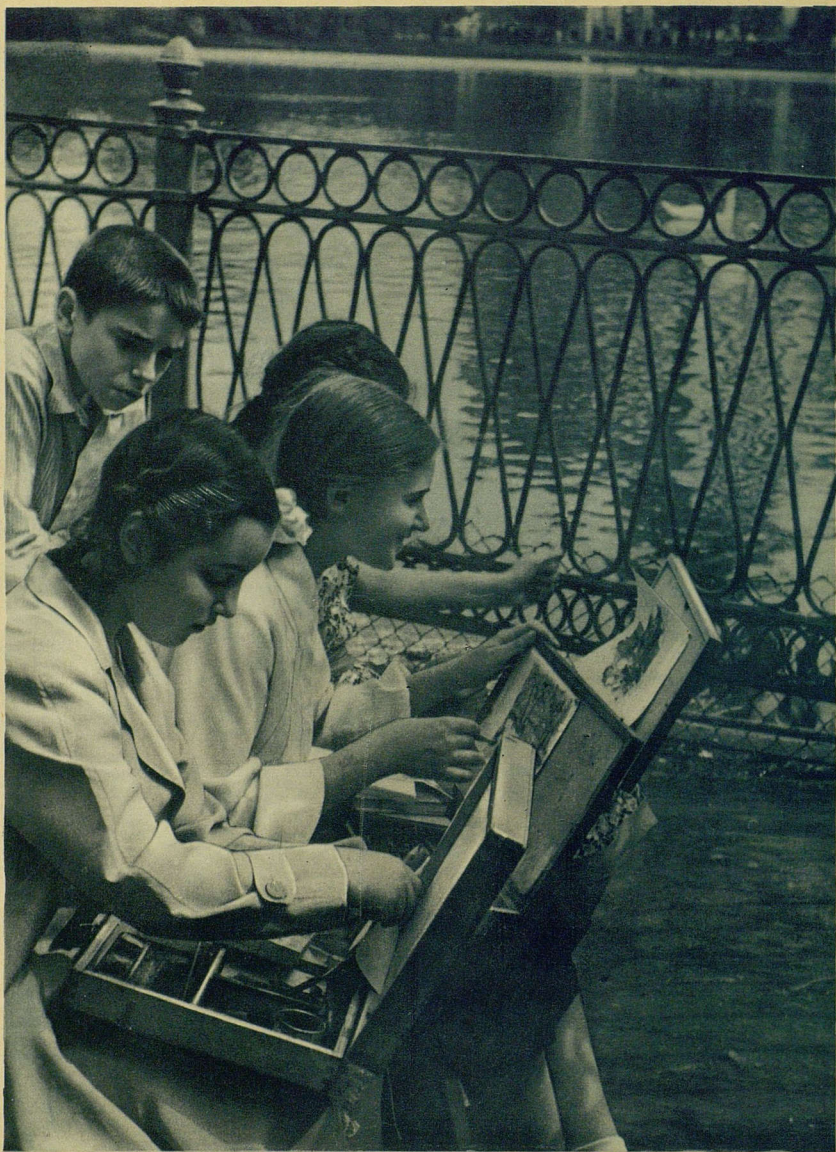
ПИОНЕР

ИЮЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1953 г.

7

НА ЭТЮДАХ.

Фото Ю. Кривоносова.

части трубки, и туда с чудовищной силой врывается вода. Удар воды так силен, что загоняет трубку глубоко в грунт, на тридцать метров с лишним.

После этого механик включает мотор лебёдки. Трубку вытаскивают, поднимают на лебучу и вынимают из неё длинный столбик грунта. Перед учёными наглядный геологический разрез морского дна. Этот разрез ответит на многие вопросы геологов.

Содержимое гидростатической трубки интересно и палеонтологам, изучающих остатки далёкого прошлого нашей планеты. Где могут сохраниться лучше, чем на дне океана, отложения древних эпох? Ведь здесь, на глубине, всегда одна и та же температура, не бывает ни жары, ни морозов. Всё, что попало на дно, надёжно прикрыто толщей почти неподвижного водяного покрова. Ни солнце, ни ветер сюда не проникают.

Подводные вредители

Каждый литр морской воды, поднятый на поверхность, кишит множеством крохотных животных. На первый взгляд, их изучение может интересовать лишь биологов. Какое дело до мельчайших рачков или моллюсков строителям портов или военным морякам?

Но, оказывается, и моряки и строители нередко вынуждены обращаться к учёным за советом и помощью.

В одном из южноамериканских государств был спущен на воду новый сторожевой корабль. Судно обладало замечательно быстрым ходом и легко догоняло моторные лодки контрабандистов. Но

уже через месяц скорость корабля стала уменьшаться, а через три месяца те же лодки, какие он поначалу догонял, легко от него уходили. Машины корабля были в полном порядке, но скорость его уменьшилась почти вдвое. Что же случилось?

Причину обнаружил водолаз, осматривавший подводную часть судна. Оказалось, что за три месяца днище корабля обросло такими густыми колониями различных водорослей, губок и моллюсков, что они тормозили ход судна.

Крохотный рачок баянус, сам ростом меньше сантиметра, способен вывести из строя гигантский линкор. Иной раз скопища этих рачков настолько забивают всасывающие воду трубы механизмов, что машины перестают действовать, и громадное судно приходится ставить в док для ремонта. А в одном из южных портов был такой случай. Там строили новый мол. Чтобы возвести это массивное сооружение на прочном основании, на дно опустили громадные железобетонные кубы и заполнили их обломками скал. Строителям казалось, на таком фундаменте мол простоят веками.

Прошло три года, и вдруг при небольшом сравнительно шторме огромные железобетонные кубы поползли — и новый мол рухнул в воду. Что же произошло?

Виновик катастрофы был обнаружен. Оказалось, что это морской моллюск фолда, обладающий способностью сверлить своей острой раковиной камень. Когда строители мола воздвигали на дне железобетонные устои, они очистили от гальки устилавший дно песчанник. На чистом песчанике немедленно поселились сотни тысяч фолд и так за три года источили их своими ходами, что устои не могли уже держать на себе тяжёлое сооружение. При одном из штормов плиты рассыпались на куски, и мол сполз в воду.

И вот моряки и строители обращаются к биологам, изучающим жизнь моря, за помощью в борьбе с подводными вредителями. Какой краской следует покрывать подводную часть кораблей, чтобы здесь не селились водоросли и губки? Нет ли средства против баянуса? Как спасти фундаменты портовых сооружений от нашествия фолд?

На все эти вопросы должны уметь ответить работники Института океанологии.

Исследователи путешествуют по морскому дну.

Вечные путешественники

Работы советских исследователей помогли науке избавиться от многих ошибочных представлений.

До последнего времени западные биологи утверждали, что на глубине шести километров лежат безжизненные пространства, что всё живое там гибнет.

Оказалось, что это неправда. Как бы своеобразны ни были условия существования, всегда найдутся организмы, которые сумели к ним приспособиться.

Советские учёные обнаружили рыб, моллюсков, крабов в очень глубоких впадинах Тихого океана, на глубине восьми километров. На каждое живое существо здесь давит столб воды в несколько сот раз сильнее, чем давит на нас воздух, но глубоководные животные приспособились к этому чудовищному давлению. Зато, вынутые на поверхность, они мгновенно погибают.

Чем же питаются глубоководные рыбы? Ведь на такой глубине царит вечная тьма. А где нет солнечного света, нет и растений, значит, нет и пищи для мельчайших рачков, которыми обычно кормятся рыбы. Глубже двухсот метров подводных пастбищ не найдёшь.

Поэтому буржуазные учёные считали, что глубоководные рыбы поедают лишь мёртвых рачков, медленно падающих на дно из верхних слоёв океана.

Оказалось, что и это представление неверно. Молодой биолог комсомолец М. Виноградов изучает привычки рачков, живущих в поверхностных водах и питающихся там микроскопическими водорослями. Виноградов доказал, что с наступлением дня эти рачки стремятся спрятаться от пронизывающего верхние слои воды света и уходят на глубину, — они приспособились двигаться вверх и вниз с большой скоростью, — а им навстречу поднимаются за добычей те рыбы, которые живут далеко внизу, на глубине семи — восьми тысяч метров.

Как заселяют моря

Изучение образа жизни и питания рыб даёт возможность учёным быстро находить объясне-

ние явлениям, которые могут показаться совершенно непонятными.

Из года в год в окружающих Японию морях проходили несметные косяки рыбы иваси. И вдруг в 1941 году японские рыболовные суда, отправившиеся на лов иваси, вернулись с пустыми трюмами. Иваси в море не было. Рыба, которую ежегодно вылавливали в таком огромном количестве, что из неё приготавливали Удобрения, исчезла начисто. Вместо миллионов центнеров с трудом удалось поймать нескольких рыбёшек.

Советским учёным не составило большого труда раскрыть эту «тайну моря». Дело в том, что иваси мечет икру в теплой воде, у берегов Южной Кореи, а в последние годы в этом районе произошло похолодание, и вся икра иваси погибла.

Но советские учёные стремятся не только объяснить, от чего зависят те или иные явления природы. Цель советской науки — влиять на природу, изменять её на благо человека.

В директивах XIX съезда Коммунистической партии по пятому пятилетнему плану указано, что улов рыбы в Советском Союзе должен к концу пятилетки подняться до двадцати двух миллионов центнеров в год. По питательности такой улов равен мясу двадцати восьми миллионов коров. И вот, помогая нашей рыбной промышленности увеличивать рыбные богатства страны, советские учёные организуют заселение морей новыми породами рыб и теми животными, которыми эти рыбы питаются.

Осетры и стерляди, населяющие Каспийское море, всегда росли медленнее и были менее жирны, чем их сородичи в Азовском море. Оказалось, что в водах Каспия не было червей-переселов, излюбленной пищи азовских осетров. По предложению биолога Л. А. Зенкевича 65 тысяч таких червей были переселены из Азовского моря в Каспийское, быстро там размножились и стали основной пищей для многих пород каспийских рыб.

Успешно прошло и заселение Каспийского моря кефалью. По предложению биолога Б. С. Ильина в Каспий переселили мальков черноморской кефали. Опыт оказался удачным. Кефаль быстро размножилась в новом для неё море.

Так, увеличивая рыбные стада, советская наука помогает народу бороться за изобилие.

КАМПАНИЯ КРАСНОГО ГАЛСТУКА

Людвик Эшкенази

Рисунки Б. Винокурова.

У старика Эдуарда Байера добрая, несколько застенчивая улыбка и близорукие глаза, которые смотрят на мир сквозь очки в золотой оправе. Живёт он по-стариковски. Ходит медленно: ему некуда спешить. На голове у него кепка, которую он уже в течение тридцати лет каждое утро тщательно чистит старой щёткой. Была у него и пенсия, и когда она у него была, он питался молоком, в которое макал буточку. Каждый день Байер с полудня сидел в городском саду, а вечером — в трактире «Чёрный Иоахим».

В трактире велись стариковские дебаты, сила которых заметно ослабевала к концу месяца вместе с уменьшением количества выпиваемых кружек пива. Правду сказать, пенсионеры к концу месяца уже больше пили минеральную воду, чем пиво, и в силу этого становились вялыми и скучными. Эдуард же Байер к концу месяца страдал от голода даже больше, чем от жажды. Между тем жил он скромно и особых требований к жизни не предъявлял.

Вот как сложилась жизнь Эдуарда Байера в течение последних пяти лет, и казалось, что так он и будет мирно жить до конца дней своих.

Старик Байер не был обычным государственным пенсионером. Но это ничуть не умаляло его прав на пенсию и его заслуг перед отечеством. Он поработал и пострадал на пользу отечества в такой степени, что никакая пенсия не являлась достаточной наградой за его заслуги.

Вот перечень его заслуг:

1) Пять сломанных рёбер, растоптанных сапогами начальника гестапо в берлинской тюрьме Моабит, в которую был заключён в 1933 году «красный» Байер, работавший в коммунистической организации в Веддинге¹. Эта тюрьма существует и теперь за чертой, на которой написано: «Вы вступаете в американский сектор».

2) В 1933 же году Байер был отправлен в лагерь Бухенвальд и двенадцать лет носил полосатую куртку и брюки лагерного заключённого.

С того времени у него появился ужасный сухой кашель, а когда он, закашлявшись, прикладывал носовой платок к губам, на платке появлялась кровь. Ходил он медленно и ежеминутно останавливался. Его лоб был всегда покрыт испариной,

¹ Веддинг — один из рабочих кварталов в западном секторе Берлина.

а щёки — подозрительным румянцем. Ступал он по земле осторожнее, чем акробат по трапеции, но с гораздо меньшей уверенностью.

Всё это мы вам рассказываем, во-первых, затем, чтобы изобразить вам старика Байера, а во-вторых, чтобы показать, что Эдуард Байер получал пенсию согласно закону о возмещении за ущерб, нанесённый нацистами, закону, провозглашённо-му в 1945 году.

Однако о самой пенсии мы можем сказать только, что даже слово «скромная» — для неё слишком пышное и многообещающее название. Её хватало не более, чем на булочки и молоко и отчасти на пиво в первой половине месяца, а во второй половине месяца для пенсионеров наступали дни поста.

Можно было бы сказать: зачем-де пить пиво и тому подобное. Но мы любим Эдуарда Байера, этого старого борца за коммунистические идеи, и мы воздержимся от таких разговоров. Пусть пьёт на здоровье своё пиво, если ему это доставляет удовольствие. Пусть, если ему этого хочется, угощает своих старых приятелей — безработного столяра Кнопфа и ночного сторожа Вольфке. Старик наш не скупердяй какой-нибудь, у него широкая натура, он не может видеть чужого голода и жажды, это для него тяжелее, чем самому голодать.

Да, на эту пенсию нельзя было ни жить, ни умереть!

А приносил её каждое первое число в двенадцать часов дня письмоносец Грейф. Старик Байер заранее готовился к получению пенсии. Рано утром первого числа он, тщательно побрившись, садился в кресло ждать письмоносца. И как только раздавался звонок, Эдуард Байер медленно поднимался со старого кресла и маленькими шажками шёл к двери. Медленно, медленно! Для того, чтобы продлить великий момент получения пенсии.

Письмоносец был человек приветливый и словоохотливый, и процедура вручения пенсии его очень занимала. Старик Байер всегда забывал вернуть карандаш, которым он расписывался в получении денег. Письмоносец стремительно возвращался и, задыхаясь, спрашивал:

— Не забыл ли я у вас карандаш, герр Байер?

— Возможно, — отвечал Байер и принимался рьяно искать во всех карманах запропащившийся карандаш.

Потом карандаш находился, и письмоносец, облегчённо вздохнув, садился отдыхать. Начиналась беседа. О политике они разговаривали редко и мало. Письмоносец, как государственный служащий, боялся разговаривать с Байером о политике, чтобы не потерять службы. Того и гляди, Байер скажет что-нибудь чисто коммунистическое, и начальство зачислит и его, Грейфа, в разряд неблагонадёжных элементов. И он дипломатично произносил такую, например, фразу:

— А Бургеры получили сегодня письмо с острова Борнео. Что вы на это скажете?

Байер думал о другом. Он хватал Грейфа за верхнюю пуговицу, крутил её и с негодованием восклицал:

— Социал-демократы... Исчадие ада! Несчастная Германия! Сегодня Носке, завтра Шумахер... Вам, герр Грейф, следовало бы поразмыслить над этими вопросами... Вы ведь человек с боевым прошлым...

А письмоносец отвечал:

— Знаете, герр Байер, по радио сказали, что сегодня будет облачная погода с осадками...

Говорит письмоносец Грейф об одном, а думает о другом.

Он ведь государственный служащий, нужна осторожность, не то полетишь!

Затем они расставались. Письмоносец тяжёлыми шагами спускался с лестницы, а Эдуард Байер, послунив пальцы, пересчитывал радужные западные марки, напечатанные в США. Но сколько ни пересчитывай, деньги остаются теми же, — больше не становится. На следующий день после получения пенсии Эдуард Байер покупал литр молока и четыре булочки. Вечером он угощал пивом столяра Кнопфа и ночного сторожа Вольфке, и они пели песни, между прочим, и песню «Мы, молодая гвардия»...

Но вот однажды...

В первый день августа 1951 года, как раз в полдень, к дверям квартиры Байера подошёл письмоносец Грейф. Он остановился у входной двери и положил руку на кнопку звонка, но не надавил на неё. Грейф вынул из сумки письмо в зелёном конверте, но тут же положил его обратно в сумку и пошёл к почтовому ящику соседней квартиры.

Старик Байер сидел в своём кресле, тщательно выбритый, в хорошо отглаженных брюках и в начищенных до блеска ботинках. Он был очень голоден.

Наконец раздался звонок, на этот раз какой-то тусклый и как бы придушенный. Пенсионер Эдуард Байер встал с кресла с каким-то злым предчувствием и почти побегал к двери.

— Добрый день, герр Байер, — произнёс письмоносец Грейф, — как здоровы-це?

— Ничего, держится кое-как, но ненадёжно, — ответил герр Байер.

И у него засосало под ложечкой.

Он пригласил Грейфа в комнату.

— Радио сообщило, что приближается волна холодного воздуха с Атлантического океана, — печально промолвил письмоносец, и Байер понял: что-то произошло!

— Что с вами случилось? — с беспокойством спросил он и заглянул глубоко в глаза письмоносу.

Грейф не выдержал этого взгляда. Он молча вынул письмо в зелёном конверте и подал его Байеру. Там было написано:

«Милостивый государь, правительство вынесло решение о роспуске Союза жертв нацизма и, нуждаясь в деньгах для других, более важных нужд, приостановило выдачу пенсий членам этого Союза.

Правительство глубоко сожалеет о том, что в дальнейшем не сможет больше выплачивать Вам пенсию.

С совершенным уважением»

(подпись неразборчива).

Да, герр Байер, расходы государства очень велики, и надо экономить. Надо, герр Байер, увеличить оклады новым генералам новой германской армии, надо понизить налог на шампанское. Надо дать заём из государственных средств Альфреду Круппу. У него ведь новый и замечательный патент на дальнобойные орудия! Не сердитесь, герр Байер, мы должны экономить. Мы увеличиваем паёк полицейским собакам. Где взять столько денег, уважаемый? Мы бедное государство и к тому же содержим большую оккупационную армию. С совершенным уважением... Не сердитесь на нас...

— А чем же я жить буду? — спросил герр Байер у Грейфа.

Но что может знать письмоносец Грейф?

— Негодяи! — вскричал Байер. — Это же просто подлость! — И закашлялся так, будто у него что-то взорвалось в лёгких. Он заломил бледные руки, на которых

проступали голубые жилки, а на худом лице его появилось выражение ярости и гнева.

Письмоносец Грейф покачал головой и сказал:

— Была у меня в Цинциннати тетья, очень образованная женщина; она, как это бывает у интеллигентов, умерла в совершенной бедности. В таких случаях, какой произошёл с вами, она говорила: «C'est la vie!»¹... По-французски знала...

Так говорил письмоносец Грейф, государственный служащий, дороживший своим местом.

Герр Байер ещё долго прислушивался к шагам письмоносеца, спускавшегося с лестницы, и в животе у него урчало от голода.

Письмоносец Грейф, спускаясь с лестницы, встретил девятилетнего Иоганна Штрауса. Это был мальчик совершенно такой же, как все. Он терпеть не мог девочек, играл в футбол и в кегли и собирал марки. Он поджидал почтальона на лестнице, чтобы спросить, кто из жителей Золотой улицы получает письма с заграничными марками.

— Моё почтение, герр Грейф, — промолвил Иоганн.

— Оставь меня в покое, — ответил Грейф. — Сегодня у меня нет охоты с тобою разговаривать! — И сердито добавил: — У людей земля под ногами проваливается, а ты лезешь со своими глупостями.

— Как это так «земля под ногами проваливается»? — засмеялся мальчик и посмотрел вниз, на землю.

Но лицо Грейфа было полно негодования и отвращения, он сплюнул и пробормотал про себя:

— Бедный Байер! Пропал совсем!

Письмоносец Грейф выразился так легко только потому, что государственным служащему не полагается возмущаться. И то он был уверен, что его никто не слышит, иначе он и от этого воздержался бы...

А Иоганн Штраус всё слышал и всё запомнил, потому что дело касалось герра Байера, с которым у Иоганна были особые отношения.

Первый раз они с Байером встретились в полдень в Веддингском парке. Нельзя сказать, чтобы поведение мальчика при этой встрече соответствовало всем правилам хорошего воспитания. Был зимний

¹ Это жизнь!

— Вот ты как поступаешь,— сказал герр Байер,— а кепка моя сидела у меня на голове и никому не мешала...

день. Тёзка знаменитого музыканта, Иоганн Штраус играл в снежки, и большой снежный ком, брошенный им, попал в кепку Байера, которая полетела на землю. Байер поднял её, отряхнул снег и улыбнулся виновнику аварии, который в испуге стоял в стороне, готовый к стратегическому отступлению, если таковое потребуется.

— Вот ты как поступаешь,— сказал герр Байер,— а кепка моя сидела у меня на голове и никому не мешала... Поди-ка сюда, мальчик.

Иоганн Штраус подошёл.

— Вы надерёте мне уши? — спросил он.

— Нет,— ответил Байер,— я не деру ушей.

Узнав из дальнейшего разговора, что Иоганн собирает марки, он подарил ему зелёную Ньяссу с жирафом. И где только он достал такую марку! Иоганн Штраус в первый раз в своей молодой жизни почувствовал нечто, именуемое

угрызениями совести. Ему захотелось загладить свою вину перед стариком Байером.

...С тех пор он очень учтиво здоровался с герром Байером и стал приносить ему молоко и булочки. Может быть, тут играло роль и желание показать, что он умеет покупать провизию и приносить сдачу. Но, как бы то ни было, согласитесь, что это большая жертва со стороны девятилетнего мальчика — вставать на полчаса раньше обычного и бежать в молочную за молоком и в пекарню за булочками... Весною, летом и осенью они с герром Байером подолгу сидели под зелёным каштаном, и тут Иоганн Штраус набирался сведений о весьма отдалённых и весьма занимательных событиях — о том, как герр Байер был моряком и возил кофе с Явы в Гамбург, как он познал истину, как боролся за свободу в славном 1918 году, как состоялся знаменосцем в партии и как любил свою жену Луизу.

Подробно мы перескажем вам эти раз-

оворы в другой раз, о них мог бы вам поведать только зелёный каштан, но каштаны не говорят. Однако в один прекрасный день директор школы № 5 вызвал к себе отца Иоганна Штрауса, благонамеренного и преданного властям гражданина, и прочёл ему нотацию за недостаточный надзор за сыном. Под портретом президента Трумэна, на хорошем ковре, стоял папаша Штраус, а директор рассказывал ему, что его сын однажды прикрепил красный флажок к учительской кафедре. Директор обвинял во всём семью. Папаше Штраусу так и не удалось доказать свою невиновность. И он по сию пору числится в списках западноберлинской комиссии как элемент, в политическом отношении подозрительный. Вы поймёте, конечно, что бунтовщические настроения Иоганна Штрауса ведут своё происхождение от разговоров под старым каштаном.

И вдруг в один прекрасный день Иоганна Штрауса исключили из школы. Дома его за это высекли. Он держал себя мужественно, молча подавил слёзы и не отвечал родителям даже на такие, по существу, серьёзные вопросы, как вопрос: «Что из тебя выйдет?»

Иоганн Штраус хорошо знал, что из него выйдет.

Он будет возить кофе с Явы в Гамбург, а потом будет сражаться на баррикадах. Если так поступал Эдуард Байер, то почему бы не сделать этого Иоганну Штраусу? Его перевели в другую школу. Вы думаете, что он там исправился? Он и тут повисил красный флажок, но в дело вмешался старик Байер, который предотвратил новую, гораздо более опасную по своим последствиям катастрофу.

— Красное знамя — это справедливое знамя? — спросил Иоганн Штраус, когда Байер уговаривал его не выставлять в школе красных флажков.

— Да, — ответил Байер, — ты же это знаешь!

— Но раз это — справедливое знамя, почему я не могу его выставить, когда хочу?

— Не спеши, — сказал Байер. — Подожди, будет время и для этого. — Он учил своего маленького приятеля терпению и выдержке.

По совету Байера Иоганн Штраус начал посещать Дом пионеров в Лихтенберге, в демократическом секторе Берлина. Иоганн Штраус первым перешёл границы своего сектора. Он вступил в три кружка: фотографический, исторический и столяр-

ный. «Чем больше человек знает, тем больше он человек», — сказал ему Байер.

Это была большая тайна. А папаша Штрауса, сам сапожник, всё ещё был уверен, что его сын будет адвокатом. И какой бы это был адвокат!..

Если бы у папашы Штрауса было достаточно работы, он, может быть, не столько думал бы о своём озорнике-сыне. На первый взгляд могло показаться, что это обыкновенный мальчик, со всеми недостатками своего возраста — марка Никарагуа для него важнее, чем десять лет жизни, а футбольный мяч по своему значению равняется всему земному шару. Но когда такой девятилетний мальчишка оклеит вам все окна изображениями голубя мира, то это может в корне всколыхнуть всё ваше существование и приобретает важное значение. Папаша Штраус не то чтобы был против голубя мира, но поймите, что ему даёт свои ботинки в починку сам советник Гейльбергер, очень высокопоставленный заказчик, и вдруг он может перестать ходить! А папаша Штраус — человек, у которого шестеро детей и слабый заработок, ему есть над чем призадуматься... Но поделать, повидимому, уже ничего нельзя было. Иоганн Штраус уже шёл своими путями.

На другое утро после трагического посещения писмоносца у двери Байера позвонили, и он пошёл открыть. Это был Иоганн Штраус. Он очень вежливо поздоровался и сказал:

— Не сердитесь, герр Байер... Я не хотел вас будить, но вы забыли положить деньги на том месте, куда вы всегда их кладёте.

— Не забыл, друг мой, — возразил Байер, — мне нечего класть туда.

Затем он дал своему молодому приятелю прочесть письмо с неразборчивой подписью, и малыш, взволнованный, воскликнул:

— Вы столько страдали... и боролись... А они вдруг... сразу...

Герр Байер погладил своего молодого друга по спутанному чубу, но ему не следовало этого делать, потому что Иоганна Штрауса вдруг охватила печаль, вызвавшая у него поток горьких слёз.

— Что же с вами будет? — спросил он у Байера, когда немного успокоился.

— Не знаю, — ответил старик. — Я стар, я уже отжил своё. Я уже ни к чему... А ты учишь хорошо... Чем больше знает человек, тем больший человек из него

выходит.— По лицу его разлился яркий румянец, он выпрямился и посмотрел через окно вдаль...

У десятилетних детей нет денег. Вещь естественная, и мы упоминаем о ней только затем, чтобы вы поняли состояние молодого Иоганна Штрауса. Правда, у него был карманный ножик с перламутровой фосфоресцирующей рукояткой, музыкальные часы с карликом, у которого сохранилась только половина бороды, и две зачитанные книги: одна без начала, а другая без конца. Вот и всё имущество Иоганна Штрауса, кроме того, которое нельзя ни купить, ни продать.

В школу он отправился взволнованный и расстроенный. На уроке пения фальшивил, что у мальчика было признаком тяжёлого настроения и особенной возбуждённости. На уроке географии он не пустил голубка с надписью «Да будет мир!», что с некоторого времени являлось любимым занятием его и некоторых его приятелей. Сидел тихо и был задумчив, а преподаватель географии Баух осторожно следил за ним. Но Иоганн Штраус действительно размышлял, и если учитель Баух в конце урока нашёл несколько гусениц в своей шляпе, то не наш молодой герой был этому виной, я вас уверяю. Ничто не радовало Иоганна. Он сидел грустный, опустив голову на руки, со взором, устремлённым в глубину бездонной и тёмной чернильницы. Печаль всецело овладела им, да иначе оно и быть не могло.

После этого он встретился с бывшим пенсионером Байером в парке, под старым каштаном. Лицо Байера несколько побледнело, но подбородок его был тщательно выбрит, а ботинки великолепно начищены. Иоганн Штраус хотел предложить Байеру еду, припрятанную им для него, но ему стало неловко, и так как Байер говорил на общие темы, то никак не поддало вынуть свёрток и сказать: «Герр Байер, попробуйте-ка эту булочку!»

А Байер всё равно не взял бы её.

На третий день старик Байер не пришёл. Он лежал в постели и кашлял. В полдень он поднялся, пошёл в ломбард и заложил единственные свои две ценности: старые часы и ещё более старую флейту. Он получит немного денег, истратит их, а затем ляжет в постель и умрёт. Он так решил, потому что не был способен просить милостыню.

Иоганн Штраус набрался храбрости, залез в кладовку к матери, нашёл там пол-

буханки хлеба и отправился к Байеру. Но тот хлеба не взял.

— Откуда он у тебя? — спросил он.

— Это посылает вам мама, — ответил Иоганн Штраус.

— Ты не лжёшь?

— Лгу, — ответил Иоганн, — я взял хлеб в кладовой у мамы.

— Так ты его сейчас же верни ей... — произнёс бывший пенсионер Эдуард Байер. — Как тебе не стыдно! — И добавил: — Приходи после школы, я тебе расскажу, какой будет жизнь, когда ты вырастешь.

В сердце Иоганна Штрауса горело яркое пламя. Желание помочь другу огнём жгло его, и вот он придумал нечто очень простое. Впрочем, слово «придумал» тут не подходит, мысль пришла сама собой, как после дождя приходит солнце, а после ночи — день. Такие мысли появляются внезапно и озаряют путь человека. Там, где была тьма, воцаряется свет — и человек встаёт и идёт. Это бывает вызвано иногда очень простыми причинами. В данном случае поводом послужил приезд двух новых делегаций в детский лагерь имени Эрнста Тельмана — от пионеров Китая и от пионеров Чехословакии. Иоганн Штраус услышал об этом по радио, и сердце его бурно заколотилось. А решение пришло поздней ночью, когда все люди кругом спокойно отдыхали и только Иоганну не спалось.

Вертится и переворачивается Иоганн с боку на бок, а сон не идёт. Надо встать, но так, чтобы никого не разбудить. В семье Штрауса детям не позволено бродить по ночам. Надо спать восемь часов в сутки глубоким и спокойным сном.

И всё же среди ночи Иоганн Штраус поднялся и вышел на улицу.

Западный Берлин — город большой и шумный и днём и ночью. Мальчик весь дрожал. Ночь дышала августовским теплом, небо было полно звёзд. Шелестели длинные и стройные американские лимузины, на больших улицах ярко сияли неоновые лампы, а на малых улочках мелькал тусклый свет у не убранных ещё свалок мусора. У ворот домов целовались влюблённые, у тракторов шумели пьяные, по улицам прохаживались полицейские с поднятыми дубинками, а под землёй грёбыхали поезда. Иоганн Штраус шёл и шёл без конца, вы никогда не сказали бы, что он в состоянии столько ходить. Наконец, уже к утру, перейдя на территорию

восточного сектора, добрался он до цели своего путешествия, до прекрасного озера, искрившегося серебряным светом. Вдоль озера тянулись ряды белых палаток.

Лесная чаща вокруг озера шумела, а вдаль пел соловей. Мы это рассказываем для вас, читатели, а Иоганна Штрауса соловьиные трели не занимали. Единственная интересовавшая его птица была канарейка старой фрау Гарб, клевавшая зерно прямо с руки и умевшая чирикать благодарственную песенку... Никто не охранял входа в лагерь, и Иоганн Штраус вошёл в ворота и по аллее высоких тополей направился к озеру. Тополя шумели, в предрассветных сумерках ветви деревьев казались покрытыми паутиной, ночной ветер раскачивал их, и Иоганну Штраусу вдруг стало тоскливо. Он был ещё маленький мальчик и чувствовал себя совершенно одиноким в этом ночном мире.

Тут он увидел скамью со спинкой, сел на неё и сейчас же уснул. Ему снилось, что он сидит со стариком Байером в парке под каштаном и они оба пьют молоко и едят булочки. Правду сказать, наш герой во время своих ночных походов сильно проголодался. Но это не мешало сну быть прекрасным. Каштан шумел, а старик Байер вынул флейту и заиграл на ней.

У пионеров в Вульгейде заиграли утреннюю зорю. Ребята нашли Иоганна Штрауса спящим, солнце светило ему в лицо. Когда его спросили, чего он хочет, он ответил:

— Старик Байер так настрадался, и он такой замечательный человек, его не должны были лишать...

— Чего? — спросили пионеры, и, поверьте ли вы, среди них был настоящий китаец в синей курточке и красном пионерском галстуке.

— Ему нужны булочки, — продолжал Иоганн Штраус. — Он лёг в постель и лежит. А он побывал в Бразилии и в Перу... И сражался на баррикадах. А теперь ему нечего есть...

Никто из пионеров не знал, как найти выход из этого положения, не знал и сам Иоганн Штраус. И всё-таки, несмотря на то, что момент был серьёзный и решающий, он принялся расспрашивать у китайца, нет ли у него китайских марок.

— У тебя нет той зелёной, с солнцем? — спросил Иоганн Штраус.

— Не понимаю, — сказал китаец.

— Смотри, вон солнце, — ответил Иоганн, — видишь, там, наверху?..

Маленький китаец вежливо улыбнулся, и все были очень смущены. В самом деле, что общего между булочками и зелёной маркой с солнцем, и что это вообще за странный мальчик?!

Потом Иоганна пригласили выпить чаю с булкой, и хорошо сделали. Ничего лучше сделать не могли...

Он сидел в большой комнате, там были стол, два стула, диван и стойка с красными флажками. Там же стояла большая белая статуя молодой женщины с белой голубкой на руке.

Разговор с Иоганном вёл голубоглазый мальчик. Глаза его были так глубоки и прозрачны, что, казалось, сквозь них, как в окно, можно было видеть всё, что происходило в его душе.

— Ты откуда? — спросил мальчик у Иоганна.

— Из Веддинга, — ответил Иоганн. — А вы откуда?

— Я здешний, — сказал мальчик.

— Вы, стало быть, вроде президента «детской республики»?

Ребята нашли Иоганна Штрауса спящим.

— Можно и так сказать... А нравится тебе булка?

— Нравится, — сказал Иоганн, и ему стало стыдно: он вспомнил о старике Байере.

— Господин президент, — сказал он, набравшись духу, но «президент» прервал его.

— Ну, нет, — сказал он, — ты меня господином президентом не зови...

Затем они побеседовали, и всё выяснилось. Рассказано было и о молоке с булочками и о том, как старик Байер возил кофе с Явы в Гамбург, как он сражался на баррикадах в Берлине, как сидел в концентрационном лагере и как он теперь продал флейту.

— А зачем ты пришёл сюда к нам? — спросил мальчик с глубокими, прозрачными глазами. Но не стал ждать ответа.

— На двенадцать часов созываем пионерское совещание, — сказал он. — Разошлите повестки. Просим явиться вовремя.

А Иоганна Штрауса он уложил на диван спать и посидел ещё около него, но оба больше не произнесли ни слова. Иоганн с минутку полюбовался статуей с голубкой в руке. И вдруг ему почудилось, что голубка заворковала, зашевелила ножками и раскрыла крылья, как будто собиралась лететь. И в самом деле, она начала кружиться над диваном. Иоганн подумал, что это, может быть, почтовый голуб. Не послать ли через него записку Байеру?..

Всё это Иоганн Штраус видел во сне. А когда он открыл глаза, голубка по-прежнему сидела на руке статуи, и вид у неё был такой, как будто ничего не произошло. Уже шло пионерское совещание. Когда большая стрелка сошлась с маленькой на цифре двенадцать, двери открылись, и члены совещания вошли в комнату. Их было пятеро: Ян Гюнтер из Лейпцига, Моймир Трестик из Праги, Альберто Малапарте из Падуи, девочка Хи Сяо из Ханькоу и Ядвига Замойска из Лодзи.

Это были члены совещания, но они ещё не умели придавать себе важный вид. Мальчик с голубыми глазами приложил палец к губам и сказал:

— Тише! Вы разбудите нашего гостя!

Но разбудить его всё-таки пришлось. Это поручили китайской девочке Хи Сяо, которая пощекотала Иоганну нос своим шёлковым платочком.

— Представляю вам Иоганна Штрауса из Западного Берлина, из рабочего квар-

тала Веддинг... — сказал «президент». — Он хочет нам рассказать кое-что... Правда, Иоганн?

— Да, — прошептал Иоганн трясущимися губами. А он совсем не был трусом...

Но пионерское совещание — всё-таки только пионерское совещание... А наш Иоганн Штраус — храбрый парень. Вы уже имели случай в этом убедиться. И вот он произнёс:

— Когда вам случается сбить со взрослого шапку, что он с вами делает? Дерёт вас за уши! А если он этого не делает, то что это за человек? Добрый человек! А они лишили его пенсии и вырвали у него изо рта последний кусок булочки.

— Что-то ты всё смешал в одну кучу, — начал один из членов совещания.

Однако пионеры быстро уловили сущность этой путаной речи о шапке и булочках и единогласно постановили прийти на помощь старику Байеру.

— Мы будем каждый день носить ему кушанья, — сказала Ядвига Замойска, — но для такого человека недостаточно одних только булочек и молока... Такому человеку надо... Боже мой, такому человеку надо что-нибудь другое, получше.

Ядвига Замойска знала, что надо Байеру, но как это сказать на пионерском совещании? Лучше всего было бы, если бы старик Байер получал каждый день хорошо прожаренный и достаточно большой шницель с салатом. Недурно бы ещё добавить помидорный суп или тёртую морковь.

— Он любит пиво, — робко сообщил Иоганн Штраус.

— Пиво — спиртной напиток, — произнёс Ян Гюнтер, председатель комиссии по здравоохранению в «детской республике». — Ты разве не знаешь, что алкоголь вреден для здоровья?

Не прошло дело с пивом!

— Мы взяли с собою десять коробок риса, а мы тут его совсем не едим, — сказала Хи Сяо. — Нам больше нравится суп, в котором плавают маленькие ракушки.

Все удивились, ибо никто понятия не имел о супе с ракушками, а потом догадались, что Хи Сяо подразумевала под этим грибной суп. Пока это выясняли, Иоганн Штраус успел получить от Моймира Трестика из Праги очень красивую марку с изображением воина в шлеме.

Затем выступил голубоглавый «президент».

— Надо, — сказал он, — правильно по-

ставить вопрос и заниматься наиболее важным делом. Разве господин Байер — единственный человек в Западной Германии, у которого была отнята пенсия? Это произошло со всеми бывшими заключёнными концентрационных лагерей и всеми жертвами нацизма...

Затем состоялась дискуссия, закончившаяся следующей резолюцией: «Совет пионерского лагеря имени Эрнста Тельмана на чрезвычайном своём заседании постановил: оказать единовременную помощь жертвам нацизма, живущим в Западном Берлине.

Распустив Союз бывших политических заключённых и антифашистов, правительство Аденауэра показало, что оно идёт по стопам своих гитлеровских предшественников. Мы, молодые воины мира, заявляем, что сделаем всё, чтобы облегчить тяжёлую судьбу этих непоколебимых борцов за лучшее будущее человечества. Товарищи, мы не дадим вам погибнуть!»

И вот началась большого размаха кампания помощи, которая надолго ещё останется в памяти людей. Организационный план её был выработан Яном Гюнтером, а проведение его в жизнь было поручено отряду имени Георгия Димитрова.

Отряд имени Георгия Димитрова в течение трёх часов собрал адреса всех пострадавших и создал три пионерские эстафеты, которые обязаны были обеспечить своевременную и быструю доставку посылок. Пионерам отряда имени Георгия Димитрова было позволено на время снять красные галстуки, чтобы предохранить ребят от неприятностей со стороны западно-берлинской полиции.

Короткое заседание отряда, посвящённое вопросу о снятии галстуков, неожиданно вызвало бурю. Ян Гюнтер провозгласил басом, вызвавшим почтение к нему со стороны пионеров:

— Предлагаю членам отряда имени Георгия Димитрова временно оставить свои галстуки в лагере. Полагаю, что всем ясно, почему это нужно!..

Но не всем это было ясно. После слов Яна Гюнтера настала тишина. Это было затишье перед бурей. Некоторые пионеры нагнули головы, чтобы полюбоваться на свои галстуки, их пальцы тревожно гладили красную материю. Трудно было ожидать, что пионеры спокойно снимут галстуки. Вот так иногда положение, как будто простое, становится вдруг сложным.

Ян Гюнтер встал:

— Присм всех членов отряда имени Георгия Димитрова положить свои пионерские галстуки на стол председателя.

Было тихо. На «президента» смотрело несколько десятков возбуждённых и в то же время решительных глаз.

Потом встал один пионер со спутанным чубом и заявил:

— Я своего галстука не дам!..

Все зааплодировали.

«Президент» был встревожен. Однако, когда он попросил слова, собрание несколько успокоилось. Было известно, что он никогда попусту не говорит.

— Я думаю, — сказал «президент», — что возникшие здесь разногласия совсем лишены оснований. Пионеры из отряда имени Георгия Димитрова могут сохранить свои галстуки, не отдавая их никому, но положив их в верное место — в боковые карманы у сердца. Главное, чтобы их не было на шее, чтобы их не трепал западногерманский ветер. Это сопряжено с опасностью, а у сердца они могут остаться.

Вот это — другое дело!..

Красные галстуки были тщательно свёрнуты и уложены в боковой карман, у сердца. В честь этого вся кампания помощи была названа «Кампанией красного галстука».

В день, когда началась кампания, в лагере на видном месте появился значок отряда имени Георгия Димитрова, а пионерский оркестр сыграл «Песнь о радости» Бетховена, «Марсельезу» и «Интернационал».

Иоганну Штраусу торжественно вручили пионерский значок, на котором горело красное знамя.

В тот же вечер он вернулся домой, к своим родителям, где его ожидала порка, злейшая из всех, которые когда-либо пришлось перенести мальчику. Какое счастье, что он успел положить у дверей Байера пакет, который принёс из «детской республики», и дал продолжительный звонок! Так звонил накануне рождества «святой Николай» в те времена, когда он ещё хаживал к Штраусам.

Иоганн подождал в тёмном углу на лестнице, чтобы увидеть, что будет делать Байер. Старик один момент постоял в удивлении, а потом вернулся в комнату за очками. Затем он прочёл адрес: «Эдуарду Байеру, товарищу и борцу, отряд

имени Георгия Димитрова» — и остановился в дверях с пакетом в руках.

Иоганн Штраус, удовлетворённый, помчался вниз по лестнице домой, где его ожидало строгое родительское наказание.

Только ранним утром Иоганн имел возможность пойти к старику Байеру и был очень удивлён, увидев, что пакет остался нетронутым. Байер ничего не взял: ни шоколада, ни сгущённого молока, ни сладких сухарей.

— Кто это собрал? — спросил Байер.

— Не я, — сказал Иоганн Штраус. — Где мне взять такие вещи? Вы думаете, что это я вам принёс?..

— Да, — ответил Байер, — я так думаю.

— Нет, герр Байер, и не думайте... А вы всё-таки продолжаете так думать, как будто не знаете меня. — И добавил: — Смотрите, вы и не прикоснулись ни к чему...

— Откуда ты знаешь, что я не прикоснулся ни к чему? — строго сказал Байер. — Если ты не принёс пакета, то ты не можешь знать, что в нём.

«Вот как должен быть человек осторожен на язык», — подумал Иоганн.

Затем Иоганн рассказал старику всю правду и показал ему пионерский значок с красным пламенем. Эдуард Байер долго рассматривал значок и в конце концов приколол его к себе на грудь. Затем он вернул значок Иоганну Штраусу и сказал:

— Теперь ты должен называть меня товарищем...

— Как это так товарищем? — спросил Иоганн Штраус. Но тут же сообразил, в чём дело, и сказал: — Товарищ Байер, мы вас очень просим попробовать шоко-

лад. Мы вас очень просим, товарищ Байер, будьте так добры...

Кто-то позвонил. Это был письмоносец Грейф. Он ничего не принёс. Он зашёл только за тем, чтобы повидать старика Байера. А Эдуард Байер заварил кофе, налил в него сгущённого молока, положил перед письмоносцем сухарь, и оба с наслаждением принялись попивать кофеёк.

Грейф сказал:

— Спасибо вам, Байер, больше не могу... Вот удивительная вещь! Прихожу сегодня к старику Райнеру с письмом, а у него на завтрак рисовая каша. «Не хотите ли, Грейф, рисовой каши?» Выхожу из дома Райнера, а меня подзывает старый Бланк... И он угощает... Прихожу к вам, и вы угощаете... Удивительно!.. У людей последние гроши уходят, а я, старый чёрт, набиваю себе брюхо!

— Видите ли, Грейф, это молодые товарищи не дают нам пропасть, — ответил старик Байер.

Тут разговор, по мнению письмоносца Грейфа, принял политический оборот, и Грейфу захотелось уйти. Иной раз вот так человек забавляется разговором о рисовой каше, а бог его знает, чем это может кончиться.

— Говорят, — сказал он, — что максимум барометрического давления перенёсся из восточной Европы через среднюю Европу дальше на запад... и что погода будет хороша.

— Что это вы всё интересуетесь погодой? — ответил ему Байер. — Важны люди, а не погода...

Перевела с чешского
Е. Елина.

ПУТЕШЕСТВИЕ В XIII ВЕК

(Из дневника юных историков 8-й сталинградской школы)

22/VI.

Пока мы шли от школы до пристани по улице Мира, через площадь Павших Борцов, по новой набережной, все прохожие оборачивались нам вслед. Наверное, вид у нас был, как у заправских путешественников: у всех одиннадцати походные посохи в руках, за спиной полная выкладка: рюкзаки, палатки, у пояса фляги. Шли гуськом, лёгким спортивным шагом. Лишь ведра да большой мешок, который мы тащили по очереди, немного портили впечатление. В мешок вошло всё, что не вместились в рюкзаки и что потребовали взять родители. Но тут уж ничего не поделаешь.

Торжественно входим мы на борт речного катера «Салют». Здесь много народу: колхозники едут с базара. Тесно и жарко...

Мы ещё заранее решили, что в пути будем всё внимательно осматривать, и ребята рассыпались по катеру. Но через некоторое время пришёл капитан и запретил нам «баловаться» — спускаться в машинное отделение, подниматься на мостик и даже ходить на корму. Тут за нас вступилась Галина Георгиевна. Она объяснила, что мы едем на место бывшей ставки Золотой Орды, а по дороге всё осматриваем, чтобы записать в дневнике, который ведёт летописец отряда Володя Шишигин, то есть я.

Пассажиры обступили нас и стали расспрашивать о нашем походе. Мы рассказали, что готовились к нему ещё с зимы, когда изучали с Галиной Георгиевной по истории татарское нашествие и свержение татарского ига, что нам очень интересно посмотреть места, где был главный город Орды, тем более, что когда будет выстроена Сталинградская ГЭС, эти места окажутся под водой.

Когда мы вели этот разговор, к нам подошёл мальчик в голубой майке и сказал, что он родом из старинного села Сарай, которое находится возле самой бывшей ставки. Мальчик сказал, что на развалинах ставки можно найти много старинных предметов. Он вытащил из кармана две позеленевшие медные монеты неправильной формы с какими-то письменами... У ребят, как говорится, глаза и зубы разгорелись.

Катер сделал широкий поворот по зеркальной глади Волги и вошёл в Ахтубу. Остановка — посёлок строителей ГЭС. Открылся вид на строительство. Сверхмощный земснаряд стоял на реке, от него шла длинная труба на подставках. Из трубы вырывалась широкая струя воды с землёй. Земснаряд намывал перемычку. На берегу стоял неутомляющий шум стройки. Ковши экскаваторов вгрызались в грунт и нагружали сразу целую автомашину. Двадцатипятитонные самосвалы перевозили землю и сваливали её в воду. В посёлке ГЭС рядом со старыми деревянными домиками строились большие каменные дома.

«Салют» стоял здесь два часа, ожидая развода понтонного моста через Ахтубу. За это время мы несколько раз искупались, так как солнце палило нещадно.

23/VI.

Вчера поздно вечером прибыли в Ленинск. Ночевали в местной школе, расстелив палатки на полу в ботаническом кабинете.

Отсюда до Царёва двенадцать километров по открытой степной дороге. Нам не советуют идти днём в такую жару. Решили дожидаться, когда спадёт зной. Утром, искупавшись в Ахтубе, мы осматривали город. Мы увидели в стенах многих домов удивительно красивые голубые и зелёные глазированные кирпичи. Нам объяснили, что это «мамев кирпич». Когда-то жители города привезли его с развалин ставки.

После экскурсии по городу ещё раз искупались, пообедали — и в путь!

Шли три часа. И это называется «когда спадёт зной!» Жарко и душно нестерпимо. Шли не быстро, чтобы успеть занести свой путь на карту. Разведчики-адми-

Юные историки за работой.

нистраторы шли быстрее. К приходу отряда они успели познакомиться с директором и воспитанниками местного детского дома и договориться о жилье. Детдомовцы высыпали нам навстречу. Они приветливо встретили нас. Но нас настолько разморила жара, что мы способны были спросить лишь одно:

— Есть ли здесь речка?

— Есть, есть речка Царёвочка! Идёмте, покажем! — ответили приветливые хозяева и мы, побросав рюкзаки, побежали к реке.

24/VI. Утро.

Пошли в Сарай. Это — небольшое татарское село, которое сохранило название древней столицы Золотой Орды. Здесь колхоз, рыбные промыслы. А за селом широкая унылая равнина, холмы, поросшие жёсткой степной травой, ямы, оставшиеся после археологиче-

ских раскопок. Это и есть место бывшей ханской ставки. Неужели когда-то здесь был многолюдный город, дома, дворцы, улицы?

Под ногами множество осколков «мамаева кирпича» вперемешку с землёй, куски битой посуды. Собираем их. Нам попадается доннышко кувшина с замысловатым клеймом. Галина Георгиевна предполагает, что это марка мастера. Сарайские татары говорят, что это надпись из татарском языке, но прочесть её никто не может.

Перед сном.

Только что я, Шведов и Овчаренко вернулись с рыбной ловли. Утром, увидев озеро, мы подумали: не напрасно же мы тащили с собой рыболовную сеть, — и вечером решили проверить это. Пошли на озеро, выбрали бухточку, разделили и повели сеть. После долгой возни нам удалось установить её. Вылезли из воды и чуть было не нырнули обратно: на воздухе было холодно, зуб на зуб не попадал, а комары просто пожирали нас. Но мы решили всё-таки подождать полчаса. Наконец вытащили сеть, а там вместо рыбы — несколько больших жаб и коряги. Дрожа всем телом, как в лихорадке, мы побежали домой. Ребята ждали нас с рыбой и были очень разочарованы. Но когда мы рассказали о своей рыбалке, все смеялись, и дежурные накормили нас хорошим ужином.

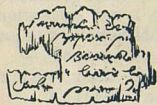
25/VI.

Сегодня ребята побывали у нескольких старожиллов Сарая.

Местный старожил Михаил Петрович Чистяков рассказал, что он помнит, как лет сорок назад там, где теперь постройки рыбных промыслов, были ещё заметны остатки ханского дворца и стены из серого камня, окружавшие его. Тогда ещё можно было встретить дома, сделанные из глазированного кирпича.

В 1930 году в развалинах Сарая работала археологическая экспедиция. Археологи нашли остатки водопровода — трубы шли от реки Калкуты (теперь эта речка называется Шамбалка) и были подведены к домам. Из дворца подземный ход вёл на остров посреди реки Царёвки. Там были разбиты пышные сады. Потом мы познакомимся с дедушкой Мальшевым. Он тоже давно живёт в Сарая. Мальшев пошёл с нами к развалинам дворца. Развалин, собственно, нет, от дворца остался лишь огромный холм. Мальшев рассказал, что он помогал в работе нескольким археологическим экспедициям в Сарая. Однажды он нашёл золотое блюдечко, которое хранится теперь в Астраханском музее; в другой раз при раскопках обнаружили каменную плиту с высеченной надписью на ней, золотое блюдо, золотую вазу и гигантский глиняный сосуд, в котором татары хранили зерно.

Были и нечаянные находки. Нам рассказали, как дедушка Букуев в детстве, играя с ребятами, вдруг провалился. Осмотревшись, он увидел, что оказался в подвале,

в котором было много шелковых, расшитых бисером халатов. Он хотел их взять, но как только притронулся, они рассыпались в прах.

Нам тоже хотелось найти что-нибудь интересное. Но в ямах на дворцовом холме валялись только обломки серого камня да кости животных.

26/VI.

Прежде всего пошли на реку Калкуту. Здесь до сих пор сохранились следы старинной плотины. Высохшее русло канала соединяло две котловины. Когда-то здесь были озёра Сахарное и Солёное. Река Калкута впадала в Сахарное озеро, которое, в свою очередь, соединялось с рекой Ахтубой. Беловатый налёт соли покрывает теперь дно бывшего Солёного озера, в котловине Сахарного растёт картошка. Недалеко от картофельного поля мы увидели колхозное стадо. Пастух подозвал нас к себе и, когда узнал, что мы путешественники, сказал:

— Золотого коня ищите? Не найдёте. Я тоже искал.

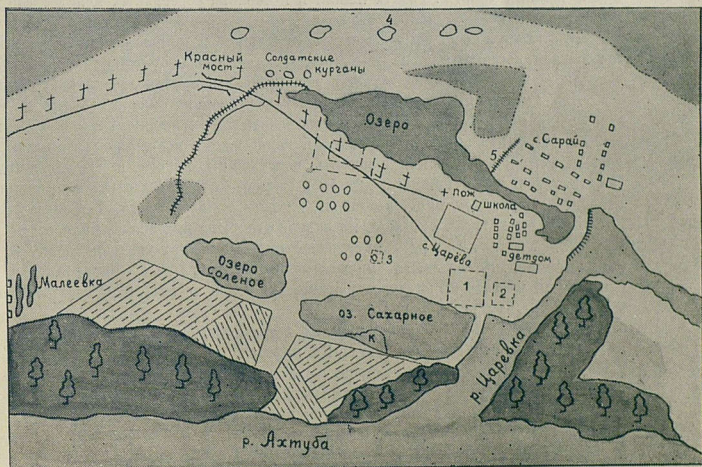
— Какого коня? — Мы обступили пастуха, и вот что он нам рассказал:

— В стародавние времена хан Вирке велел вырыть два озера. Одно называли Сахарным, потому что жёны хана кормили в нём сахаром чёрных лебедей. Второе — Солёным, потому что в нём потонул купеческий караван кораблей с солью. На берегу Сахарного озера стоял золотой конь. На нём сидел золотой всадник. Это был подарок хану от Золотой Орды. Из дальних стран приезжали купцы торговать с ханом и любовались золотым конём. Покорённые племена складывали дань у ног коня. Но вот настал грозный час расплаты: русские дружины, словно вихрь, налетели на Сарай. Они подожгли город с четырёх сторон, и чёрный дым застал небо. Войска хана бежали, бежал и хан. Он хотел увести с собою коня, но не мог: конь был слишком тяжёлый. Тогда хан велел своему верному слуге бросить коня в озеро. В какое озеро он был брошен, так никто и не узнал, потому что хан отрубил слуге голову. Высохло Солёное озеро — не нашли на его дне коня. А на месте Сахарного осталась трясына. Верно, в этой трясыне лежит золотой конь. Только достать его оттуда никто не может...

Легенда произвела на нас большое впечатление. Нас интересовало, что в ней правда и что вымысел.

— Давайте разберёмся, — предложила Галина Георгиевна.

Побывав в походе, ребята сделали карту раскопок ставни Золотой Орды. Цифры на карте означают: 1 — бывшая крепость, 2 — бывшая мечеть, 3 — бывший монетный двор, 4 — место раскопок кургана, 5 — оросительный канал.

— Озёра, наверно, действительно были искусственные, — заметил Овчаренко, — ведь они входили в общую ирригационную систему. Вст видны остатки каналов.

— А назвали озёра Сахарное и Солёное, очевидно, потому, что в одном вода была пресная, в другом солёная, — подхватил Гена Шведов. — И не от потонувшего каравана она стала солёной, этого не может быть, — просто на том месте солончаки.

— Но купеческие суда и баржи, верно, сюда заходили, — заметила Галина Георгиевна. — Судя по глубине, канал и озёра были сухоходны. А купцов в Сарай приезжало много: город лежал на пути из Европы в Азию.

— Может быть, ханы даже торговали солью из Солёного озера, — предположил Нарцев. — Соль тогда была дорогая.

— Ну а конь? — обратились мы к Галине Георгиевне.

— Возможно, был и конь, только, конечно, не такой, как в легенде. В Орде вообще было много золота и других драгоценностей. Ханские воины добывали их в набегах на мирные города, отнимали у проезжих купцов, требовали с князей выплаты дани золотом. А вот о каком походе русских дружин рассказывает легенда, как вы считаете? — спросила она. — Не идёт ли тут речь о воеводе Василии Ноздреватом, который напал на Сарай в 1480 году, когда хан Ахмед двинул свою орду на Россию, но отступил перед войсками Ивана Третьего?..

В этот вечер мы долго не могли уснуть: всё вспоминали рассказы старожил.

27/VI. Утро.

Мы разбились на три группы. Первая группа отправилась на раскопки на месте бывшего базара. В ямах глубиной около метра, вырытых, очевидно, во время пребывания эспедиций, ребята нашли куски битой глиняной и даже фарфоровой посуды. В одной из ям оказалось много осколков глиняной посуды и золы, — возможно, здесь была гончарная мастерская.

В канаве водопровода нашли куски разбитой водопроводной трубы. На месте древней базарной площади прямо на поверхности земли мы нашли несколько старинных медных монет. На каждой начертаны какие-то письмена. Местные жители сказали, что это молитвы и чем длиннее молитва, тем дороже монета. Но потом мы узнали, что надписи означают имя хана, и, прочитав их, можно точно определить время чеканки монеты. Ребята нашли и несколько серебряных монет с еле заметным изображением коня.

Вторая группа исследовала сеть центрального водопровода. Земля над траншеями, где лежали когда-то трубы, провалилась, и сеть была довольно ясно видна. Ребята занесли её на карту. Чтобы сделать это, пришлось пройти двадцать километров.

Ещё одна группа отправилась к трём курганам на окраине города. По преданию, здесь были захоронения кипчаков, или половцев, — племени, которое покорили татары. Когда умирал знатный кипчацкий воин, на его похороны съезжались родные и друзья. Умершего хоронили в полном вооружении вместе с его любимым конём. В могилу ставили кувшины с питьём и пищей. Склеп закладывали кирпичом, и родственники, проезжая мимо, высыпали на него по вазу земли. Так вырастал курган.

Ребята осмотрели курганы. На склоне одного из них обнаружили следы раскопок. Спустились в яму. Там на двухметровой глубине ребята увидели кладку из квадратных кирпичей. Сбоку лежало множество костей животных. Попадались и человеческие кости. Что это было за сооружение, мы так и не смогли разгадать. Может быть, это была разграбленная могила?

На окраине Царёва наши группы встретились. Посмотрели мы друг на друга и не могли удержаться от смеха. На красных от загара лицах чёрными полосами лежала пыль. Спасаясь от комаров, одни воткнули в волосы смоченные керосином птичьи перья, другие окутали лицо и шею сетками. За спинами висели тяжёлые мешки, в руках ножи, ноги были чёрными от пыли и грязи. В таком виде мы прошли по улицам Царёва, вызывая удивление и улыбки жителей. Но зато в углу нашей комнаты мы сложили целую гряду трофеев.

28/VI.

Рано утром, упаковав свои находки, мы отправились в обратный путь.

НА ДНЕПРЕ.

С картины Т. Яблонской.
Всесоюзная Художественная выставка 1952 года.

ХЛОПКРОБЫ ОБМЕНИВАЮТСЯ ОПЫТОМ.

С картины Э. Мамедова.
Всесоюзная выставка дипломных работ студентов
художественных институтов выпуска 1952 года.

НА РЫБАЛКЕ

С вечера я стал готовиться к рыбалке. Внимательно пересмотрел все удочки, наточил крючки. Потом взял большое ведро и пошёл копать червей. Есть у нас одно место около конюшни, где много навозных червей. Копаю я их и бросаю в ведро, а знакомые ребята смеются:

— Витька, ты бы стиральный бак взял: туда больше войдёт!

Но сколько меня ни дразнили ребята, я копал да помалкивал. «Зачем буду всем говорить, куда я собрался,— думал я.— Наловлю завтра у затопленной берёзы целое ведро рыбы, тогда не будут смеяться».

Правый берег нашего залива крутой. Раньше, когда ещё не было канала и этого залива, здесь протекала река Клязьма, а на её берегу, около омута, росла берёза. Когда в канал пустили воду и она залила соседний луг и подмыла берег, берёза упала. И сейчас это — лучшее место для ловли окуней. Если приехал туда ловить, не зевай! Окунь стремительно хватает червяка — и нырь под берёзу. Зазевался — и нет лески или крючка. Сколько я сам оставил там крючков!

Туда-то я и собирался пойти завтра. Нарубил я червей и закатал их в глиняные шары. Когда шары были готовы, я на лодке съездил к своему излюбленному месту и разбросал прикормку.

Многие ребята закатывают червей в землю. Это неправильно: земля в воде быстро размокает, рыба сразу поедает всех червей и уходит. Другое дело, когда бросаешь плотные глиняные шары. Глина размокает медленно, и всё это время рыба держится на одном месте.

На другой день я проснулся рано, ещё до того, как зазвонил будильник, а поставил я его на пять часов.

Пошёл к лодке, а на воде туман. Да такой сильный, что под носом ничего не видно. А мне интересно посмотреть, не занял ли кто-нибудь из рыболовов моё место. Ведь обидно: рыбу прикормил, а ловить негде будет. Плыву я в тумане, волнуюсь.

Гребу, гребу, а места моего всё нет. Только когда нос лодки воткнулся в противоположный берег, я понял, что заблудился в тумане. Правда, можно было и тут ловить. И многие рыболовы останав-

ливаются тут, у травы, но попадается-то им больше плотва. У травы окунь хорошо ловится только осенью. Тогда у окуня жор, и он гоняется за мальком. Тут ему только успевай подбрасывать малька на крючке! Подумал я так и снова поплыл искать своё место. Наконец нашёл его. Тихонечко, стараясь не греметь, чтобы не спугнуть рыбу, опустил грузы и забросил удочки. Встали мои красные поплавки, а я, не отрываясь, смотрю на них и жду.

Тихо. Ветра нет, и вода не колыхнётся. Туман стал рассеиваться, и по воде скользнули лучи солнца. Стало мне припекать спину и спать захотелось.

Вдруг слышу всплески вёсел. Обернулся, думал, кто-нибудь из ребят плывёт, а это незнакомый рыболов и с ним девочка. «Вот ещё не хватало, чтобы девочка ловила,— подумал я.— Начнёт шуметь и всю рыбу распугает». Сказать, чтобы уезжали отсюда,— пожалуй, обидятся, а главное, место своё выдашь! Так я ничего и не сказал им.

А мужчина с девочкой тихо опустили свой груз.

«Стойте, стойте, всё равно ничего не поймаете»,— подумал я. В это время у меня клюнуло на одной из удочек. Дал я ещё раз клюнуть, и только поплавок косо пошёл под воду, я подсёк. Удильник согнулся, и леска запела. «Не зря червей копал!»— подумал я.

— Папа, смотри, мальчик поймал!

— Ничего, и мы поймаем,— спокойно ответил отец.

«Как же, поймаете!»— подумал я. У нас, у ребят, считалось, что клюёт, только когда на хорошем месте стоишь. И тут же у меня ещё раз клюнуло, и я вытащил второго окуня.

— Папа, он ещё поймал!

— Ну и молодец! А ты поменьше кричи: рыбу пугаешь.

«Вот это правильно»,— подумал я.— Только почему они удочки не достают? Не место ли они хотят моё выследить? Если клюнет, не буду больше рыбу вытаскивать». А как это сделаешь, когда клюёт беспрерывно? Мне и посмотреть некогда, что делают рыболов с девочкой.

И вдруг рыба перестала клевать. Посмотрел я в ведёрко, а там всего несколько окуней. Надо бы сосчитать, да говорить, начнёшь считать — и клёва не будет.

Повернулся я и посмотрел на соседнюю лодку. А девочка при мне перегнулась и

Вот и ещё одна плотичка!

вытащила большого окуня. Пожалуй, и у меня такого нет! А тут ещё и рыболов тащит.

— Папа, вот ещё один! — весело крикнула девочка.

«Конечно, ей весело,— подумал я.— А у меня не ловится». И я совсем приуныл. А они раз за разом таскают рыбу. Удильников у них нет, и ловят они на короткие зимние удочки. У меня тоже есть такая удочка, я сделал её сам. Да вот только ещё «мормышку» не купил. Взяла меня досада, и я стал собираться домой.

Заметил сосед, что я сматываю леску и крикнул:

— Рыболов, что рано домой собрался? Не клюёт?

— Не клюёт!

— Плыви сюда.

Подплыл я к ним, а мужчина и говорит:

— Надо ловить на «мормышку». На, возьми. Надень её вместо крючка. Разве ты зимой не ловишь?

— Нет ещё!

— А зимой интересно! Да и рыбы поймать можно больше,— вмешалась девочка.— Мы всегда с папой зимой ловим.

Видю я, что мои новые знакомые — настоящие рыболовы, захотелось и мне сделать им что-нибудь приятное.

— Вы на плохом месте стоите,— сказал я.— У затопленной берёзы самый окунь. Да я ещё его там подкормил.

— Так вот, оказывается, где эта берёза! — сказал мужчина.— Я много слышал об этом месте. Да всё найти не мог. Спасибо тебе, мальчик.

Подъехали они к моему месту и начали ловить. Я ловил только на одну удочку с «мормышкой» и едва успевал вытаскивать окуней.

— Почему вот на червяка не ловится, а на «мормышку» идёт? — спросил я у мужчины.

— Когда ловишь на червяка, просто ждёшь, а «мормышкой» дразнишь. Перед таким соблазном ни щука не устоит, ни судак.

Потом, когда я сам поймал на зимнюю удочку небольшого судачка, я ещё раз убедился, что мой новый знакомый прав.

Эта встреча научила меня очень многому. Я стал особенно тщательно собираться на рыбалку и брать с собой разные удочки, «мормышки», блесны и подсаечки. Раньше у меня не было подсаечки. Новый знакомый посоветовал мне его купить. И как он пригодился мне на рыбалке!

Решил я однажды попробовать половить на кружки. Кружки — это плавающие жерлицы. Отметил я спуск и пу-

стил шесть кружков. Верх у них покрашен красной краской, а низ — белой. Как только щука или окунь возьмёт живца, кружок переворачивается.

Когда я пустил кружки, был сильный ветер. Кружки погнало вниз по течению. Я едва успевал догонять их на лодке. Вдруг вижу: один перевернулся и показал свою белую шляпку. «Попалась!» — радостно подумал я. Быстро подплыл и дёрнул за шнур. Чувствую, рыбы нет. Видно, живец зацепился за траву. Бросил я этот кружок, вижу, другой перевернулся. Я быстро погрёб. Схватил кружок, дёрнул. Леска у меня в руке натянулась, чувствую, что где-то в глубине заходила рыба. Стал я тащить. А щука попалась сильная, к себе тянет. Долго я бился с ней. Только подтянул её к лодке и хотел взять рукой, она как дёрнется, — я чуть не вылетел в воду. Бортом черпнул воды. Раза два подводил я щуку к лодке, а взять никак не мог. Тут вспомнил я о подсаечке. И когда в следующий раз подвёл щуку к лодке, подцепил её сачком и вытащил. Щука была огромная: семьдесят два сантиметра в длину, и весила она около трёх килограммов.

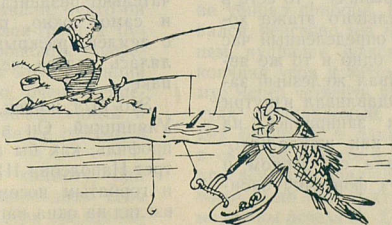
Увлекательное дело — рыбная ловля, но, чтобы хорошо ловить рыбу, нужно умение. От того, на какую снасть ловишь, зависит, как надеть приманку, на какую глубину забросить удочку. Жерлица, подпуск и перемёт — все снасти ставятся по-особому. И всё это надо хорошо знать.

Витя Маркин

Село Котово, Московской области.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Ю. Узбяков.

Хитроумная рыба:— Не ленись, братец. Давай новых червяков: я ещё не наелась.

ИЗ «ИСТОРИИ МОЕГО СОВРЕМЕННОКА»

В. Г. Короленко.

Рисунки Г. Филипповского.

Сто лет назад, в 1853 году, родился Владимир Галактионович Короленко, замечательный русский писатель, о котором Горький говорил: «...он для меня идеальный образ русского писателя... Он был моим учителем недолго, но был им, и это моя гордость по сей день...».

Что же заставляло Горького с такой любовью, с таким горячим уважением вспоминать старшего собрата по перу? Ответом на этот вопрос служат и книги Владимира Галактионовича Короленко и его жизнь. Он ненавидел всякую несправедливость и всегда смело выступал против неё.

«Люди погибают невинно, совершается вопиющее дело, — я не могу сейчас ни о чем больше думать», — писал Короленко во время одного судебного процесса. И каждый раз, когда писатель узнавал о жестокостях и несправедливостях царского строя, он «не мог ни о чем больше думать» и вступал в борьбу. Он смело клеймил в печати царского чиновника-карателя Филонова, истязавшего и расстреливавшего крестьян на Полтавщине, он обличал виновников и организаторов еврейского погрома в Кишинёве, он боролся против царских законов, которые отправляли на виселицы революционных рабочих, он ехал в голодающее Поволжье, организовывал помощь крестьянам, обвинял царское правительство, ничего не делавшее, чтобы спасти вымирающие от голода деревни.

Все рассказы и повести Короленко проникнуты любовью к беднякам, к угнетённым — к народу. Он не приукрашивает своих героев, он показывает их такими, какими они были; иной раз — тёмными, невежественными, озлобленными, но в каждом из них он умеет найти искорку светлого, человеческого, а их темнота, их невежество — суровое обвинение тем, кто создал несправедливую жизнь, ломающую и уродующую людей.

В чудесном рассказе «Сон Макара» якутский крестьянин — полудикий, нищий, забитый пьянчужка Макар — на суде «великого тойона» — бога рассказывает о жизни, в которой все к нему были безжалостны, и здесь Короленко, разоблачая угнетателей Макара, выигрывает «судебный процесс» у самого бога.

Рассказ «В дурном обществе» рисует людей, находящихся «вне закона», нищих бродяг, у которых оказывается больше человеческих чувств — великодушия, верности, дружбы, — чем у сытых и довольных собой «честных» обывателей городка.

Вероятно, не найдётся ни одного читателя, ни среди взрослых, ни среди ребят, кто не плакал бы над историей мальчика Петруся в повести «Слепой музыкант», кто не следил бы с волнением за его судьбой, кто не восхищался бы старым дядей Максимом, научившим слепого Петруся, как победить своё личное горе и отдать свой талант служению обездоленным.

Мы печатаем здесь главы из «Истории моего современника», произведения, которое рассказывает о жизни самого писателя. В этих эпизодах из детства Короленко видно, как остро чувствовал мальчик неправду, жестокость и несправедливость окружающей жизни.

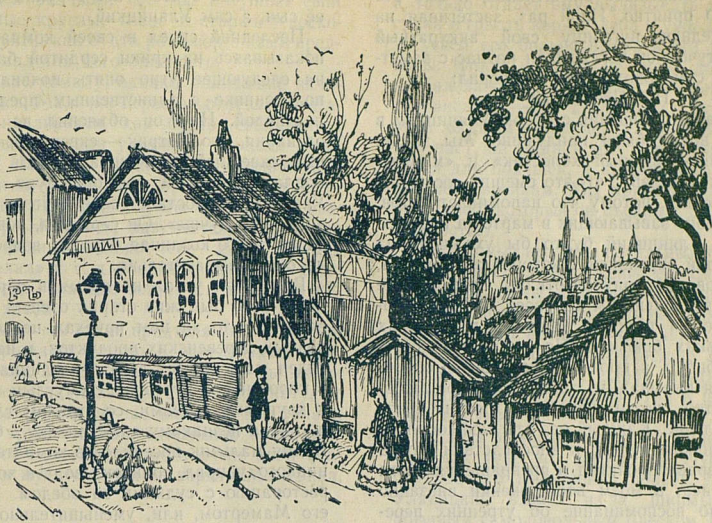
Уляницкий и «купленные мальчики»

Каждое утро в «суторных»¹, то есть в угловой комнате подвального этажа хозрайской «каменницы», в определённый час происходило неизменно одно и то же явление. Сначала вздрагивал железный за-сов ставни, и кто-то выдавливал изнутри болт, которым ставни запирались на ночь. Железная полоса, как живая, отодвигалась, потом падала со звоном, и тогда чья-то рука через форточку окон-

чательно раздвигала ставни. После этого и самое окно, приходившееся вровень с землёй, раскрывалось, и в нём появлялась голова человека в ночном колпаке.

Это был жилец, старый холостяк, пан Уляницкий. Он высовывал свой острый профиль, как бы передразнивавший портрет Наполеона III, с испанской бородкой и горбатым носом, и кидал тревожный взгляд на окна нашего флигеля. По большей части наши ставни ещё были закрыты. Убедившись в этом, пан Уляницкий

¹ Souterrains — подвальный этаж. (Примечание В. Г. Короленко.)

На улице пан Уляницкий всегда появлялся щеголевато одетым.

опять нырнул в свою комнату, и вскоре на подоконнике появилась уже вся его небольшая сухая фигурка в ночном колпаке, в пёстром халате, из-под которого виднелись нижнее бельё и туфли на босую ногу. Кинув ещё быстрый взгляд кругом и прикрывая что-то полой халата, он шмыгал за угол, направляясь на задний двор, откуда вскоре возвращался тем же порядком.

Мы знали, что его тревожные взгляды относятся главным образом к нашему дому: он не хотел, чтобы его видела в утреннем неглиже одна из моих тёток, которую он иной раз провозжал в костёл. Над тёткой посмеивались, поздравляя её с женихом. Над Уляницким тоже смеялись, называя его по-польски «мартовским кавалером», и передавали, будто он поднёс тётке десяток гнилок-груш в бумажном тюрчике и две грошовых конфеты. Фигура Уляницкого в этот утренний час бывала, действительно, очень непрезентабельна: халат был замызганный и рваный, туфли стоптаны, бельё грязно, а усы растрёпаны.

Нырнув опять в свою комнату, пан Уляницкий принимался приводить себя в порядок. Это была процедура продолжительная и сложная, особенно процесс

бритья, положительно напоминавший священнодействие. Мы пользовались правом, освящённым обычаем, стоять в это время снаружи, у открытого окна, причём иной раз из-за нас заглядывало ещё личико сестры. Пан Уляницкий ничего не имел против этого и только, приступая к бритью, предупреждал нас, чтобы мы вели себя смирно, так как малейшее нарушение порядка в эту важную минуту угрожает опасностью его жизни.

Мы свято исполняли этот договор, и в критический момент, когда пан Уляницкий, взяв себя за кончик носа и выпитив языком щёку, осторожно обходил бритвой усы или подбривал бородку около горла, мы старались даже заткнуть дыхание, пока он не вытирает последний раз бритву и не убрал прибора. После этого он умывался, неистово тёр шею и щёки полотенцем, пудрился, фиксатуарил и вытягивал кончики усов и затем скрывался за ширму. Через четверть часа он появлялся оттуда неузнаваемый, в сиреневых коротких брючках, в лакированных ботинках, в светлом жилете и синем сюртуке с закруглёнными фалдочками. Лицо у него тоже было как будто одето: измятость и морщины исчезали. Его появление в таком обновлённом виде всегда производило на

нас сильнейшее впечатление, и ему это было приятно. Иной раз, застѣгивая на последнюю пуговицу свой аккуратный сюртучок, он взглядывал на нас с заметным самодовольством и говорил:

— А? Ну? Что? Как?

Наши отношения с паном Уляническим в это время были наилучшие. Мы знали, что он — «старый холостяк» и «мартовский кавалер», что это смешно, особенно последнее, потому что напоминает котов, жалобно завывающих в марте на крышах. Пан Уляницкий будто бы ухаживал за каждой барышней, с которой знакомился, и отовсюду получал отказы. Сам он тоже казался смешным со своей козлиной бородкой и тонкими ножками в коротких узеньких брючках. Но всё это было безобидно, а процесс ежедневного обновления вызывал не только понятное любопытство, но и некоторое почтительное удивление. Каждый раз это казалось нам маленьким чудом, и впоследствии, когда я впервые прочитал о превращениях бога Озириса, в моём воображении внезапно ожило воспоминание об утренних перерождениях Уляницкого.

Однако со временем наши отношения с «мартовским кавалером» радикально испортились...

В один прекрасный день он нашёл не совсем удобным для своей жениховской репутации, что у него нет прислуги, вследствие чего он должен сам подметать комнату и ежедневно путешествовать с таинственным предметом под полой халата.

Ввиду этого он нанял себе в услужение мальчика Петрика, сына хозяйской кухарки. Кухарка, «пани Рымашевская», по прозвищу баба Люба, была женщина очень толстая и крикливая. Про неё говорили вообще, что это не баба, а Ирод. А сын у неё был смиренный мальчик с бледным лицом, изрытым оспой, страдавший притом же изнурительной лихорадкой. Скупой, как кашей, Уляницкий дёшево уговорился с нею, и мальчик поступил в «суторыны» на службу.

Закончилось это большим скандалом: в один прекрасный день баба Люба, уперев руки в бока, ругала Уляницкого на весь двор и кричала, что она свою «дытыну» не даст в обиду, что учить, конечно, можно, но не так... Вот посмотрите, добрые люди: исполосовал у мальчика всю спину. При этом баба Люба так яростно задрала у Петрика рубашку, что он завизжал

от боли, как будто у неё в руках был не её сын, а сам Уляницкий.

Последний сидел в своей комнате, не показываясь на крики сердитой бабы, а на следующее утро опять появился на подоконнике с таинственным предметом под полой. Нам он объяснил во время одевания, что Петрик — скверный, скверный, скверный мальчишка. И мать у него подлая баба... И что она дура, а он, Уляницкий, «достанет себе другого мальчишка, ещё лучше». Он сердился, повторял слова, и его козлиная бородка вздрагивала очень выразительно.

Вскоре он уехал на время в деревню, где у него был жив старик отец, а когда вернулся, то за ним приехал целый воз разных деревенских продуктов, и на возу сидел мальчик лет десяти — одиннадцати в коротенькой курточке, с смуглым лицом и круглыми глазами, со страхом глядевшими на незнакомую обстановку... С этого дня мальчик поселился в комнате Уляницкого, убирал, приносил воду и ходил в ресторацию с судками за обедом. Звали его Мамертом, или, уменьшительно, Мамериком, и вскоре на дворе стало известно, что это сирота и притом крепостной, которого не то подарил Уляницкому отец, не то он сам купил себе у какого-то помещика.

Я решительно не могу припомнить, чтобы самая мысль о возможности «купить мальчишка» вызывала во мне какой-нибудь сознательный протест или негодование. Явления жизни я воспринимал тогда довольно безразлично. Я видел, что люди бывают старые и молодые, здоровые и больные, богатые и нищие, и всё это, как я уже говорил, казалось мне «извечным». Это были просто первичные факты, готовые явления природы. Таким же фактом явилось и то, что есть на свете мальчишки, которых можно купить. Но, во всяком случае, это обстоятельство делало нового пришельца предметом интересным, так как мы видели разных мальчиков, а купленных мальчиков ещё не видели ни разу. И что-то неясное при этом всё-таки шевелилось в душе.

Знакомство с купленным мальчиком завязать было трудно. Даже в то время, когда пан Уляницкий уходил в свою должность, его мальчик сидел взаперти, выходя лишь за самыми необходимыми делами: вынести сор, принести воды, сходить с судками за обедом. Когда мы при случае подходили к нему и заговаривали, он

гядел волчком, пугливо потуплял свои чёрные круглые глаза и старался поскорее уйти, как будто разговор с нами представлял для него опасность.

Мало-помалу, однако, сближение началось. Мальчик перестал опускать глаза, останавливался, как будто соблазняясь заговорить, или улыбался, проходя мимо нас. Наконец, однажды, встретившись с нами за углом дома, он поставил на землю грязное ведро, и мы вступили в разговор. Началось, разумеется, с вопросов об имени, «сколько тебе лет», «откуда приехал» и т. д. Мальчик спросил в свою очередь, как нас зовут, и... попросил кусок хлеба.

Скоро мы стали приятелями. Уляницкий возвращался всегда в определённое время, как заведённая машина, и мы могли поэтому даже заходить в его комнату, не опасаясь, что он нас застанет. Мы узнали при этом, что наш ежедневно обновляющийся сосед в сущности очень злой скаред и мучитель. Он не кормит Мамерика,

а только отдаёт ему вылизывать пустые судки и грызть корки хлеба и уже два раза успел его больно выдрать без всякой вины. Чтобы мальчик не сидел даром и не баловался с разными висельниками («курвисами»,— мы догадались, что под этим лестным названием Уляницкий разумел нас), он задаёт ему урок: шинать перья для подушек, и нащипанные перья продаёт еврейкам. Мы принесли Мамерику хлеб, который он съедал с большою жадностью.

И пугливые взгляды печальных чёрных глаз, и грустное выражение его смуглого лица, и рассказы, и жадность, с какой он накидывался на приносимую нами пищу,— всё это внушало нам какое-то захватывающее, острое сочувствие к купленному мальчику и злобу против его владыки, которая в одно утро и прорвалась наружу.

Бедняга Мамерик чем-то провинился, и уже накануне его томило предчувствие, что пан его непременно побьёт. Наутро Уляницкий вышел из-за ширмы не с обычным самодовольным блеском, а с каким-то загадочным выражением в лице. Он был без сюртука, а руки держал назад. Остановившись у ширмы, он позвал Мамерика и приказал ему подать что-то. Но как только мальчик робко приблизился, Уляницкий с быстротою кошки схватил его, нагнул, зажал голову в свои колени, спустил штанишки, и в воздухе засвистел пучок розог. Мамерик отчаянно завизжал и забился.

В нашей семье нравы вообще были мягкие, и мы никогда ещё не видели такой жестокой расправы. Я думаю, что по силе впечатления теперь для меня могло бы быть равно тогдашнему чувству разве внезапное на моих глазах убийство человека. Мы за окном тоже завизжали, затопали ногами и стали ругать Уляницкого, требуя, чтобы он перестал бить Мамерика. Но Уляницкий только больше входил в азарт; лицо у него стало скверное, глаза были выпучены, усы свирепо торчали, и розга то и дело свистела в воздухе.

Очень вероятно, что мы могли бы доплакаться до истерики, но тут случилось неожиданное для нас обстоятельство: у Уляницкого на окне были цветочные горшки, за которыми он ухаживал очень старательно. Ближе всех стояла любимая его розеда. По внезапному вдохновению, наша маленькая сестрёнка схватила розеда и кинула её вместе с горшком на пол.

Пан Уляницкий, приступая к бритью, предупреждает нас, чтобы мы вели себя смирно.

Пан Уляницкий, держа руки за спиной, позвал Мамерина.

Горшок разбился, земля с цветком выпала. Пан Уляницкий на мгновение остолбенел, потом оставил Мамерика, и не успели мы опомниться, как его бешеное лицо появилось на подоконнике. Мы подхватили сестрёнку под руки и пустились бежать к своему крыльцу, где и уселись, чувствуя себя безопасными в своих пределах. Пан Уляницкий действительно остановился недалеко от своего окна и, спрятав розгу за спину, стал нас подзывать сладким голосом, обещая дать нам на мировую по конфетке... Но хитрость была слишком прозрачная, и мы оставались на месте, глядя весьма равнодушно на его лукавые подходы...

В этот самый день или вообще в ближайшее время после происшествия мы с матерью и с тёткой шли по улице в праздничный день, и к нам подошёл пан Уляницкий. Он был одет, по-всегдашнему, щеголевато, ботинки его сверкали ослепительным блеском, концы усов торчали, как две проволоки, и в петлице сюртучка был цветок. У меня при его появлении немного дрогнуло сердце, так как я был уверен, что он пожалуется матери на наш дебош. К нашему величайшему удивлению, он не только не пожаловался, но ещё, взяв кого-то из нас за подбородок, стал фальшиво сладким голосом расхва-

ливать перед матерью «милых деток», с которыми он живёт в большой дружбе.

Этот неудачный манёвр, во-первых, внушил нам большее презрение, а во-вторых, вселил уверенность, что по каким-то причинам Уляницкий скрывает от матери происшедшее между нами столкновение. А скрывает — значит признаёт себя виновным. С этой стороны мы почувствовали себя вполне обеспеченными, и у нас началась с Уляницким формальная война.

Дети проявляют иной раз удивительную наблюдательность и удивительно ею пользуются. У пана Уляницкого было много странностей: он был феноменально скуп, не выносил всякой перестановки предметов в комнате и на столе и боялся режущих орудий.

Однажды, когда он весь погрузился в процесс бритья и, взяв себя за кончик носа, выпятил языком подбριваемую щёку, старший брат отодвинул через форточку задвижку окна, осторожно спустился в комнату и открыл выходную дверь. Обеспечив себе таким образом отступление, он стал исполнять среди комнаты какой-то дикий танец: прыгал, кривлялся, вскидывал ноги выше головы и кричал диким голосом: «Гоп, шлёп, тана-на»...

Стоя за окном, мы с ужасом ожидали, что будет. К нашему величайшему изумлению, злополучный кавалер оставался на месте. На его лице не дрогнул ни один мускул, он так же тщательно держал себя за кончик носа, подбριвая усы, и так же выпячивал языком щёки. Тогда, видя, что процедура бритья находится только в начале, а прервать её Уляницкий не намерен, мы с младшим братом тоже спустились в комнату и присоединились к неистовой пляске. Это было какое-то детское бешенство: летели на пол стулья, платя с вешалок, щётки и щёточки. Испуганный Мамерт смотрел на это светопреставление бессмысленно выпученными круглыми глазами... Один пан Уляницкий сохранил полнейшую невозмутимость, задрнутый по шею салфеткой, с бритвой в руке и с глазами, скошенными на маленькое зеркальце... И только со всегдашнею тщательностью докончив бритьё и осторожно положив бритву в футляр, он внезапно сорвался с места и ринулся к розге. Старший брат шмыгнул в открытую дверь, а мы двое кинулись, как испуганные кошки, к окну. Я был уже на подоконнике, когда розга просви-

стела над самым моим ухом и не больно скользнула вдоль спины...

С этих пор пан Уляницкий, садясь бриться, тщательно закрывал окно. Но рамы были старые, а задвижки прилажены плохо. Увидев, что Уляницкий уже приступил к бритью, мы смело подходили к окну, дёргали форточку и тонкими дранками, просунутыми в щель, сбрасывали крючки. Чем это объяснить,— я не знаю,— вероятно, боязнь режущих орудий; но раз принявшись за бритву, Уляницкий уже не мог прервать трудного дела до конца. При наших разбойничьих попытках проникнуть в его святилище он только косил один глаз, и на его застывшем лице проступало выражение тревожной тоски. Когда нам удавалось открыть задвижку, окно с шумом распахивалось, и в комнате старого кавалера начиналась пляска дикарей.

В одно утро пан Уляницкий опять появился на подоконнике с таинственным предметом под полой халата, а затем, подойдя к нашему крыльцу и как-то особенно всматриваясь в наши лица, он стал уверять, что в сущности он очень, очень любит и нас, и своего милого Мамерика, которому даже хочет шить новую синюю куртку с медными пуговицами, и просит, чтобы мы обрадовали его этим известием, если где-нибудь случайно встретим.

Оказалось, что купленный мальчик исчез.

В тот же день вечером младший брат таинственно вызвал меня из комнаты и повёл в сарай. В сарае было темно, но брат смело пошёл вперёд и, остановившись на середине, свистнул. Сначала всё было тихо, потом что-то зашевелилось в углу, среди дров, и к нам вышел Мамерик. Оказалось, что он устроил себе между кладью дров и стенкой что-то вроде норы и живёт здесь уже двое суток. Он говорил, что жить «ничего, можно», только хочется есть, и по ночам сначала было страшно. Теперь привык. На наше сообщение о любви Уляницкого и курточке он ответил решительно:

— Не піду. Лучче утоплюся у криниці.

С этих пор у нас явилась своя тайна. По вечерам мы приносили Мамерику есть и вместе выходили гулять в укромных уголках двора... У нас установились условные сигналы и целая система конспирации. Это продолжалось ещё несколько дней, пока мать не заметила наших многозначительных перешёптываний. Она

расспросила нас обо всём и рассказала отцу. В малярные приняла участие старшие, и пан Уляницкий вызывался для каких-то объяснений даже «наверх», к хозяйке, пани Коляновской. Нравы на нашем дворе были довольно патриархальные, и всем казалось естественным, что хозяйка-домовладелица вызывает жильца для объяснений, а может быть, и для внушения. Мы тщательно хранили тайну убежища, так как крепко заботились, что не выдадим её «никому на свете». Поэтому, когда «наверху» были выработаны с Уляницким условия капитуляции, то переговоры велись через нас. Мамерик, наконец, порешил сдаться, а власть Уляницкого была общественным мнением ограничена. Всему двору было известно, что пани Коляновская погрозила Уляницкому «выгнать его из сutoryн».

Через некоторое время, однако, он и сам куда-то внезапно уехал. Купленный мальчик исчез навсегда где-то в широком неведомом мире, и дальнейшая судьба его нам осталась неизвестна.

Раз только нам показалось, что мы встретили если не его, то его двойника.

Как-то летом появилась в узком переулке новая личность. Это был мальчик в возрасте Мамерика, с таким же смуглым лицом и круглыми чёрными глазами. Но при внимательном рассмотрении оказалось, что ни походка его, ни всё поведение нимало не напоминают нашего скромного и робкого приятеля. Одет он был в новую короткую синюю курточку с двумя рядами круглых металлических шариков, в узкие синие брюки со штрипками внизу и в большие хорошо начищенные сапоги. На голове у него была круглая шапочка без козырька, надета совершенно набекрень, по-казацки.

Заметив, что мы с величайшим любопытством смотрим на него, уткнувшись лицами между баясин палисадника, незнакомец внезапно стал на ходу проделывать какие-то удивительные штуки. Ноги он ставил так, как будто они у него вовсе не сгибались в коленях, руки округлил, так что они казались двумя калачами, голову вздёрнул кверху и глядел на нас с величайшим презрением через плечо, очевидно, гордясь недавно надетым новым костюмом и, может быть, подражая манерам кого-нибудь из старшей ливрейной дворни. Он весь сверкал и наслаждался им, кроме того, был уверен, что мы совершенно подавлены его великоле-

прием и сгораем от зависти. Поэтому, исполнив какое-то поручение в конюшне, он опять прошёл мимо нас, вывёртывая ноги и играя поясницей, потом вернулся, как будто что забыл, и прошёл ещё раз. Всё это показалось нам обидным, и один из нас сказал:

— Дурак!

Мальчик плюнул и ответил:

— Свинья!

Мой брат поднял тон диалога на ноту выше:

— Сволочь!

Но мальчик, видимо, знал все формы изысканного обращения и тотчас же возразил:

— Я сволочь, царю помочь, а ты сам каторжан.

Мы почувствовали, что незнакомец остаётся победителем. Но в это время к мальчику подошёл быстрыми шагами взрослый человек в ливрейном фраке с широкими длинными фалдами. Походка его тоже была несколько развихлянная и странная, и я догадался, что незнакомый мальчик подражал именно его движениям: ноги его тоже плохо сгибались, а руки округлялись в локтях. Он окликнул мальчика, и едва тот повернулся, как подошедший ожёг его резкой, сильной и внезапной пощёчной. Мальчик завыл от боли и схватился рукой за щеку, а тот ударил по другой щеке и сказал:

— Пошёл! Тебя зачем послали?... И толкнул его сильно в шею.

Всякое неприятное чувство к незнако-

мому мальчишке в нас мгновенно испарилось, сменившись острой жалостью. Мы рассказали об этом происшествии матери и отцу, думая, что и на этот раз опять последует вмешательство, как и в деле Мамерта. Но отец объяснил нам, что мальчик-казачок принадлежит незнакомым людям, приехавшим погостить к нашим соседям, и что тут ничего сделать невозможно...

Мы поджидали после этого нового появления мальчика, готовые встретить его как приятеля. Но он не выходил, и вскоре мы увидели его в последний раз на высоких козлах коляски, в которую усаживалась семья каких-то важных господ... Тут были и дети, очень чистенькие и нарядные, но нас больше всего интересовал наш знакомец. Он был в той же курточке и в той же шапочке набекрень, но уже не было в нём заметно прежнего великолетия. Он как будто избегал смотреть на нас, но, когда огромный рыдван тронулся, он повернул к нам свои чёрные глаза, опять удивительно напомнившие нам Мамерика, и, как бы украдкой, дружелюбно кивнул головой.

Мы долго провожали взглядами уезжавшую карету, пока она не мелькнула последний раз на гребне шоссе. Ехавшие в карете нарядные дети казались мне какими-то неприятными и холодными, а за незнакомым казачком, с которым мы только и успели обменяться ругательствами, неслось в неведомую даль ощущение глупого сочувствия и близости.

Житомирская гимназия

...Каждый из нас, пансионеров, мечтал, конечно, о поступлении в гимназию, и потому мы заранее интересовались всем, что гимназисты приносили из классов. Мы знали о грозном Киченке, о старых учителях, о надзирателе Журавском, о Мине, жена которого угонала гимназистов в перемену отличными пирожками по полторы копейки, а сам он тех же гимназистов угощал в карцере розгами. И если, тем не менее, мы мечтали о гимназическом мундире, то это было нечто вроде честолюбия юного воина, отправляющегося на опасную войну с неприятелем...

Наконец, в конце июня 1863 года и я в мундире с красным воротником и медны-

ми пуговицами отправился в первый раз на уроки в новое гимназическое здание.

Шёл я далеко не таким победителем, как когда-то в пансион Рыхлинского. После вступительного экзамена я заболел лихорадкой и пропустил почти всю первую четверть. Жизнь этого огромного «казённого» учреждения шла без меня на всех парах, и я чувствовал себя ничтожным, жалким, вперёд уже в чём-то виновным. Виновным в том, что болел, что ничего не знаю, что я, наконец, так мал и не похож на гимназиста... И иду теперь беззащитный навстречу Киченку, Мине, суровым нравам и наказаниям...

В большом шумном классе всё было

чуждо, но особенное смущение вызвала во мне знакомая фигура некоего старого гимназиста Шумовича. Это был малый лет восемнадцати, широкоплечий, приземистый, с походкой молодого медведя и серьёзным, почти угрюмым взглядом. Два или три последних года он почти ежедневно проходил в гимназию мимо нашего двора. Если случайно я или младший брат попадались ему при этом на дороге,— он сгребал попавшегося в свои медвежьи лапы, тискал, мял, сплюсчивал нос, хлопал по ушам и, наконец, повернув к себе спиной, пускал в пространство ловким ударом колена пониже спины, затем неторопливо шёл дальше. Завидев его ещё издали, мы прятались за калитку, но, когда он проходил, что-то тянуло нас за ним. Мы бежали сзади и окликали: «Шумович! Шумович!» Он поворачивался и серьёзным взглядом измерял расстояние...

Оказалось, что реформа, запретившая оставаться более двух лет в одном классе, застигла его продолжительную гимназическую карьеру только на второй ступени. Богатырь оказался моим товарищем, и я со страхом думал, что он сделает со мной в ближайшую перемену... Но он не показал и виду, что помнит о наших внегимназических отношениях. Вероятно, ему самому эти воспоминания доставляли мало удовольствия... Я чувствовал себя, как в лесу, и, когда на первом уроке молодой учитель естественной истории назвал вдруг мою фамилию, я замер. Сердце у меня забилось, и я беспомощно оглянулся. Сидевший рядом товарищ толкнул меня локтем и сказал: «Иди, иди к кафедре». И тотчас же громко прибавил:

— Он не готовил. Был болен.

— Был болен, был болен... Не готовил! — загудел весь класс.

Я несколько ободрился, почувствовав, что за мной стоит какая-то дружественная и солидарная сила. Подойдя к кафедре, я остановился и потупился.

— Болен, болен, болен! бо-о-о... не готово-о... — гудело за мной пятьдесят голов.

Учитель Прелин оказался не страшным. Молодой красивый блондин с синими глазами спросил у меня, что я знаю, и, получив ответ, что я не знаю ещё ничего, пригласил придти к нему на дом. Я сел на место, ободрённый и покорённый его ласковым и серьёзным взглядом.

— Этот ничего... славный малый,— сказал мой сосед, по фамилии Крыштанович.

В это время дверь широко и быстро открылась. В класс решительной, почти военной походкой вошёл большой полный человек. «Директор Герасименко»,— робко шепнул мне сосед. Едва поклонившись учителю, директор развернул вежливость и сказал отрывистым, точно лающим голосом:

— Четвертные отметки. Слушать! Абрамович... Баландович... Буяльский... Варшавер... Варшавский...

Точно из мешка, он сыпал фамилии, названия предметов и отметки... По временам из этого потока вырвались краткие сентенции: «похвально», «совет высказывает порицание»... «угроза розог», «выпороть мерзавца». Назвав мою фамилию, он прибавил: «много пропущено... стараться»... Проявив последнюю сентенцию, он быстро сложил журнал и так же быстро вышел.

В классе поднялся какой-то особенный шум. Сзади кто-то заплакал. Прелин, красный и как будто смущённый, наклонился над журналом. Мой сосед, голубоглазый, очень приятный мальчик в узком мундирчике, толкнул меня локтем и спросил просто, хотя с несколько озабоченным видом:

— Слушай... Что он сказал обо мне: «угроза розог» или «выпороть мерзавца»?

— Я не заметил.

— Свинья... тебе не жаль товарища?

— Но ведь ты и сам не заметил...

— Да, чёрт его знает... лает, как собака...

— Крыштановичу что? Кто заметил?... — заговорили кругом.— Кажется, «угроза»...

— Нет, «выпороть мерзавца»... Я слышал,— сказал кто-то сзади.

— Ну? — повернулся Крыштанович.

— Верно, брат, верно...

Я с сочувствием взглянул на него, но он беспечно мотнул головой с буйным золотистым вихром и сказал:

— Чёрт с ними! Ты... будешь учиться?

— А то как же? — спросил я наивно.

— Много пропустил. Всё равно не догонишь. Будут пороть... Я вот не учусь совсем... Хочу в телеграфисты...

Прелин постучал карандашом. Разговоры стихли...

В ближайшую перемену я не вышел, а меня вынесло на двор, точно бурным потоком. И тотчас же завертело, как щепку. Я был новичок. Это было заметно, и на меня посыпались щипки, толчки и уда-

ры по ушам. Ударить по уху так, чтобы шёлкнуло, точно хлопнушкой, называлось на гимназическом жаргоне «дать лица», и некоторые старые гимназисты достягали в этом искусстве значительного совершенства. У меня вдобавок была коротко остриженная голова и несколько торчащие уши. Поэтому, пока я беспомощно оглядывался, вокруг моей головы стояла пальба, точно из пулемёта, которую прекратило только бурное вмешательство моего знакомого гимназиста Ольшанского.

Это был толстый, необыкновенно жизнерадостный крепыш, ринувшийся в атаку с беззаветной храбростью и вскоре вырвавший меня из водоворота. Правда, он и сам вышел из битвы не без урона и даже раза два катался с противниками в траве. Потом схватился на ноги и крикнул:

— Беги за мною!

Мы побежали во второй двор. Убегая от какого-то настигавшего меня верзилы, я схватился за молодое деревцо. Оно качнулось и затрещало. Преследователь остановился, а другой крикнул: «Сломал дерево. Сломал дерево! Скажу Журавскому!»

Между тем с крыльца раздался звонок, и все гимназисты ринулись с той же стремительностью в здание. Ольшанский, вошедший в роль покровителя, тащил меня за руку. Добежав до крыльца, где низенький сторож потрясал большим звонком, он вдруг остановился и, кнув в звоняря пальцем, сказал мне:

— Это Мина!

Знаменитый Мина оказался небольшим плотным человеком, с длинными, как у обезьяны, руками и загорелым лицом, на котором странно выделялась очень светлая заросль. Длинный прямой нос как будто утопал в толстых, как два полена, светлых усах. Перестав звонить, он взглянул на моего жизнерадостного покровителя и сказал:

— Чего смеёшься?.. Смотри, Ольшанский, — скоро суббота... Уроки, небось, опять не вытвердил?

Ольшанский беспечно показал грозному Мине язык и скрылся в коридоре. Перед уроком, когда уже все сидели на местах, в класс вошёл надзиратель Журавский и, поислав кого-то глазами, остановил их на мне:

— Ты, новичок, останься после класса.

Я был удивлён. Товарищи тоже были

заинтересованы. Крыштанович хлопнул меня по плечу и сказал:

— Молодец, новичок! Сразу попадёшь под розги... Здорово!

Я чувствовал себя до такой степени невинным, что даже не испугался. Оказалось, однако, что я был уже виновен.

— Ты сломал дерево? — спросил меня какой-то незнакомый ученик, подошедший с задней парты.

— Нет, но... я его согнул.

— Ну, вот. Я сам слышал, как Домбровский ябедничал Журавскому...

— За дерево... могут выпороть... — опять предположил Крыштанович.

Последовал обмен мнений. В новой гимназии только что были произведены посадки, и порча их считалась большим преступлением. Тем не менее большинство мнений было в мою пользу:

— Без согласия родителей пороть не станут.

Это была ещё одна форма «постепенного» компромисса: родителям предлагали: выпороть или уволить. Относительно Ольшанского, Крыштановича и некоторых других была получена *carte blanche*¹, и дело шло как по маслу, без дальнейших формальностей.

— А Домбровского пора проучить, — сказал Крыштанович. — Это уже не первый раз.

— Гм-да... — многозначительно сказал ещё кто-то.

По окончании уроков я с несколькими учениками прошёл к Журавскому. Дело обошлось довольно благополучно. Новые товарищи мои дружно доказывали, что я ещё новичок, недавно оправившийся от болезни, и дерева не ломал. К концу этой беседы незаметно подошла ещё кучка учеников, которые как-то особенно демонстративно вступали в объяснения с надзирателем. Журавский сделал мне выговор и отпустил с миром. Когда мы проходили по коридору, из пустого класса выскочил Домбровский. Он был весь красный, на глазах у него были слёзы.

Крыштанович рассказал мне, улыбаясь, что над ним только что произведена «экзакуция»... После уроков, когда он собирал свои книги, сзади к нему подкрался кто-то из «стариков», кажется, Шумович, и накинуд на голову его собственный башлык. Затем его повалили на парту,

¹ Carte blanche — в данном случае: неограниченные полномочия.

...Мина тащил за руку упиравшегося Ольшанского.

Крыштанович снял с себя ремень, и «козе» урезали десятка полтора ремней. Закончив эту операцию, исполнители кинулись из класса, и, пока Домбровский освобождался от башлыка, они старались обратить на себя внимание Журавского, чтобы установить *alibi*¹.

Так сплочённое гимназическое «товарищество» казнило «изменника»... Впоследствии то же мне пришлось встретить в тюрьмах. Формы, конечно, были жесточе, но сущность та же.

Этот эпизод как-то сразу ввёл меня, новичка, в новое общество на правах его члена. Домой я шёл с гордым сознанием, что я уже настоящий ученик, что меня знает весь класс и из-за меня совершился даже некоторый важный акт общественного правосудия.

— Ты славный малый, начинаешь недурно! — с покровительственной важностью одобрил меня Крыштанович. В его глазах мне недоставало ещё только карцера и порки...

В ближайшую субботу мой приятель и защитник Ольшанский показался мне несколько озабоченным. На мой вопрос, — что с ним, он не ответил, но мимо Мины в перемену проскользнул как-то стыдливо и незаметно.

¹ *Alibi* — доказательство непричастности обвиняемого к преступлению на том основании, что он в момент совершения преступления находился в другом месте.

Крыштанович, с которым мы теперь каждый день уходили из гимназии вместе, тоже был настроен невесело и перед последним уроком сказал:

— А меня, знаешь... того... действительно сегодня будут драть... Ты меня пожди.

И затем, беспечно тряхнув завитком волос над крутым лбом, прибавил:

— Это недолго. Я попрошу, чтобы меня первым...

— Тебе это... ничего? — спросил я с сочувствием.

— Плевать... У нас, брат, в Белой Церкви, не так драли... Черви заводились. Отец тоже лупит, сволочь, здорово!

После уроков, когда масса учеников быстро схлынула, в опустевшем и жутко затихшем коридоре осталась только угрюмая кучка обречённых. Вышел Журавский с ведомостью в руках, Мина своей развалистой походкой последовал за ним. Увидев меня, Журавский остановился.

— А, новичок! — сказал он. — Тоже попался? Не говорил я тебе, а?

— Нет, я вот с ним... — ответил я.

— Ага, с Крыштановичем!.. Хорошая компания. Пойдёшь далеко... Тебе, Крыштанович, сегодня пятнадцать...

— Я, господин надзиратель, хочу попросить...

— Не могу. Просил бы у совета...

— Нет, я не то... Я хочу, чтобы меня

первым... Ко мне, господин надзиратель, тётушка приехала... из Киева.

— А! Так ты хочешь её поскорее обрадовать... Ну, хорошо, хорошо, это можно...— И, сделав по ведомости переключку, он развёл оставшихся по классам и потом сказал:

— Ну, что ж. Пойдём, господин Крыштанович. Тётушка дожидается.

И они вторём: Мина, Журавский и мой приятель отправились к карцеру с видом людей, идущих на деловое свидание. Когда дверь карцера открылась, я увидел широко скамью, два пучка розог и помощника Мины. Затем дверь опять захлопнулась, как будто проглотив красивую фигуру Крыштановича в мундирчике с короткой талией...

Тишина в коридоре стала ещё жутче. Я с бьющимся сердцем ждал за дверью карцера возни, просьб, криков. Но ничего не было. Была только настрожившаяся тишина, среди которой тикало что-то с своеобразным свистом. Едва я успел сообразить, что это за ткань, как оно прекратилось, и из-за плотной двери опять показался Мина. Своей медвежьей походкой он подошёл к одному из классов, щёлкнул ключом, и в ту же минуту оттуда понёсся по всему зданию отчаянный рёв. Мина тащил за руку упиравшегося Ольшанского. Рот у моего жизнерадостного знакомца был открыт до ушей, толстые щёки измазаны слезами и мелом, он ревел во весь голос, хватался за косяки, потом даже старался схватиться за гладкие стены... Но Мина, равнодушный, как сама судьба, без всякого видимого усилия увлекал его к карцеру, откуда уже выходил Крыштанович, застёгивая под мундиром свои подтяжки. Лицо его было немного краснее обыкновенного, и только. Он с любопытством посмотрел на барахтавшегося Ольшанского и сказал мне:

— Вот дурак... Что этим выиграет?

Его глаза засветились насмешливым огоньком.

— И урежет же ему теперь Мина... Пойстой,— прибавил он, удерживая меня и прислушиваясь.

Мина со своей жертвой скрылся за дверью... Через минуту раздался резкий звук удара — ж-жик — и отчаянный вопль...

Мы подошли уже к выходной калитке, когда из коридора, как бомба, вылетел Ольшанский; он ронял книги, оглядывался и на бегу доканчивал свой туалет.

Впрочем, в ближайший понедельник он опять был радостен и беспечен на всю неделю...

В назначенный день я пошёл к Прелину. Робко, с замирающим сердцем нашёл я маленький домик на Сенной площади, с балконом и клумбами цветов. Прелин, в светлом летнем костюме и белой соломенной шляпе, возился около цветника. Он встретил меня радушно и просто, задержал немного в саду, показывая цветы, потом ввёл в комнату. Здесь он взял мою книгу, разметил её, показал, что уже пройдено, разделил пройденное на части, разъяснил более трудные места и указал, как мне догнать товарищей.

Вышел я от него почти влюблённый в молодого учителя и, придя домой, стал жадно поглощать отмеченные места в книге. Скоро я догнал товарищей по всем предметам, и на следующую четверть Герасименко после моей фамилии пролаял сентенцию: «похвально». Таким образом, ожидания моего приятеля Крыштановича не оправдались: испробовать гимназических розог мне не пришлось.

Впрочем, розга была уже осуждена бесповоротно, и порка исчезала. На следующий год мне запомнился, впрочем, один случай её применения: два гимназиста убежали из дому, направляясь в девственные степи Америки искать приключений... Школьный строй никогда не мог понять этих, во всяком случае, незаурядных порывов юной природы к чему-то необычному, выходящему из будничных рамок, неведомому и заманчивому... Побег этот взволновал всю гимназию, и, сидя на уроках, мы шопотом делились предположениями о том, далеко ли успели уйти наши беглецы. Дня через три мы узнали, что они пойманы, привезены в город и сидят день и ночь в карцере в ожидании педагогического совета...

Был как раз урок арифметики, когда один из беглецов, уже наказанный, угрюмо вошёл в класс. На кафедре сидел маленький, круглый Сербинов, человек восточного типа, с чертами ожиревшей хищной птицы. Он был груб, глуп и строг, преподавал по своему предмету одни только «правила», а решение задач сводилось на переписку в тетрадках; весь класс списывал у одного или двух лучших учеников, и Сербинов ставил отметки за чистоту тетрадей и красоту почерка. Он дослушивал срок пенсии, был очень раздражён всякими новшествами и в классе

ной раз принимался ругать разных «дураков, которые пишут против розги...» Когда беглец вошёл в класс, Сербинов с четверть часа продержал его у порога, злорадно издеваясь и цинично расспрашивая о разных подробностях порки. Затем, хорошо зная, что мальчик не мог подготовиться, он спросил урок и долго с наслаждением вычерчивал в журнале единицу.

Прелин, наоборот, не упоминая ни словом о побеге, вызвал мальчика к кафедре, с серьёзным видом спросил, когда он может наверстать пропущенное, вызвал его в назначенный день и с подчеркнутой торжественностью поставил пять с плюсом...

В житомирской гимназии мне пришлось пробить только два года, и потом завязавшиеся здесь школьные связи были оборваны. Только одна из них оставила во мне более глубокое воспоминание, сложное и несколько грустное, но и до сих пор ещё живое в моей душе.

Это детская дружба с Крыштановичем.

С первого же дня, когда он ко мне обратился с своим простодушным вопросом, — будут ли его пороть или пока только грозят, — он внушил мне глубокую симпатию. Мне нравились его крутой лоб, светлые глаза, то сверкавшие шаловливым весельем, то внезапно тускневшие и заволакивавшиеся непонятным мне и загадочным выражением, его широкоплечая фигура с тонким станом, в узком старом мундирчике, спокойная самоуверенность и

Сербинов долго с наслаждением вычерчивал в журнале единицу.

чувство какого-то особого превосходства, сквозившее во всех его приёмах. Он был года на полтора старше меня, но мне казалось почему-то, что он знает обо всех людях — учителях, учениках, своих родителях — что-то такое, чего я не знаю. Он упорно осуществлял свой план, не приговляя уроков, глубоко презирал и наказания, и весь школьный режим, не любил говорить о своей семье, охотно упоминая лишь о сестре... В конце концов, в нём чувствовалась хорошая натура, поставленная в какие-то тяжёлые условия. Порой он внезапно затуманивался, уходил в себя, и в его тускневших глазах стояло выражение затаённой печали... Как будто чистая сторона детской души неволью затонула под наплывом затягивавшей её грязи...

После описанной выше порки, которая, впрочем, больше до конца года не повторялась, я относился к нему как-то особенно: жалел, удивлялся, готов был для него что-то сделать... Создавалась какая-то особенная власть его надо мной, которую мы чувствовали оба. Он относился ко мне хорошо, но в этом было что-то невысказанное, может быть, не вполне сознание: я разочаровал его. Товарищество у нас было не полное. Я, пожалуй, непроч был стать таким же «отпетым», как он, чтобы пользоваться такой же фамильярной известностью у Журавского и вместе с приятелем попадать в карцер. Но это у меня как-то не выходило.

В карцер я, положим, попал скоро. Горячий француз, Бейвель, обыкновенно в течение урока оставлял по несколько человек, но часто забывал записывать в журнал. Так же он оставил и меня. Когда после урока я вместе с Крыштановичем подошёл в коридоре к Журавскому, то оказалось, что я в списке не числюсь.

— Но... меня оставил мось Бейвель, — настаивал я.

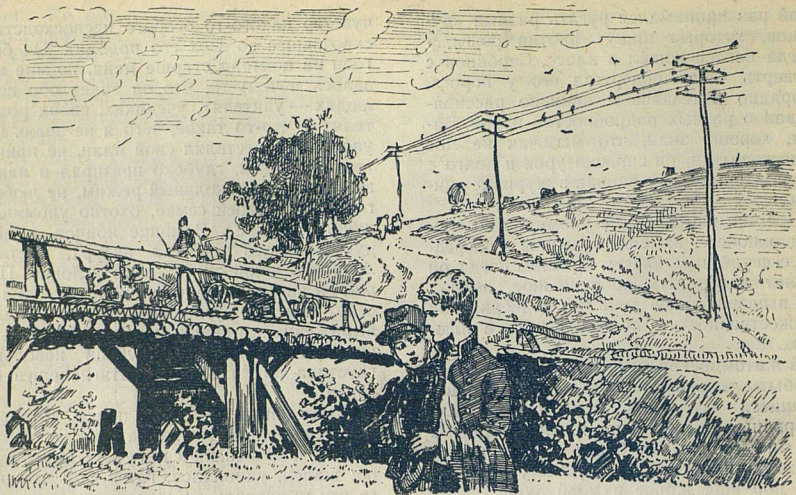
— Верно, — покровительственно подтвердил Крыштанович.

— Ну, оставил, так оставайся! — согласился Журавский. — Там, кстати, встретишь своего братца.

В карцере, действительно, уже сидело несколько человек, в том числе мой старший брат. Я с гордостью вошёл в первый раз в это избранное общество, но брат тотчас же охладил меня, сказав с презрением:

— Дурак! Сам напросился!

Я понял, что дал промах: «настоящий»

Так мы дошли до деревянного моста, перекинутого через речку в глубоком овраге.

гимназист гордился бы, если бы удалось обманом ускользнуть от Журавского, а я сам полез ему в лапы...

Когда мы все были выпущены, Крыштанович сказал мне:

— Ты всё-таки славный мальи́й, хотя ещё глуп. Давай завтра уйдём из церкви. — Куда?

— Куда я поведу... Пойдёшь?

— Хорошо, только надо ведь попроситься у матери...

— Она не узнает... Можешь сказать, что заходил к товарищу учить уроки...

Я покраснел и замялся. Он внимательно посмотрел на меня и повёл плечами.

— Ты боишься соврать своей матери? — сказал он с оттенком насмешливого удивления... — А я вру постоянно... Ну, однако, ты мне дал слово... Не сдержат слово товарищу — подлость.

Я сказал матери, что после церкви пойду к товарищу на весь день; мать отпустила. Служба только началась ещё в старом соборе, когда Крыштанович дернул меня за рукав, мы незаметно вышли. Во мне шевелилось лёгкое угрызение совести, но, сказать правду, было также что-то необыкновенно заманчивое в этой полупреступной прогулке в часы, когда товарищи ещё стоят на хорах собора, счи-

тая ектении и с нетерпением ожидая Херувимской. Казалось, даже самые улицы имели в эти часы особенный вид.

Крыштанович уверенным шагом повёл меня мимо прежней нашей квартиры. Мы прошли мимо старой «фигуры» на шоссе и пошли прямо. В какой-то маленькой лавочке Крыштанович купил две булки и кусок колбасы. Уверенность, с какой он делал эту покупку и расплачивался за неё серебряными деньгами, тоже импонировала мне: у меня только раз в жизни было пятнадцать копеек, и когда я шёл с ними по улице, то мне казалось, что все знают об этой огромной сумме и кто-нибудь непременно затекает меня ограбить...

— Откуда у тебя столько денег? — спросил я у моего бойкого товарища, когда мы вышли из лавочки...

— А тебе какое дело? — ответил он. — Ну, украл у отца...

Я покраснел и не знал, что сказать. Мне казалось, что Крыштанович говорит это «нарочно». Когда я высказал это предположение, он ничего не ответил и пошёл вперёд.

Мы миновали православное кладбище, поднявшись на то самое возвышение дороги, которое когда-то казалось мне чуть не краем света и откуда мы с братом

ожидали «рогатого попа». Потом и улица, и дом Коляновских исчезли за косогором... По сторонам тянулись заборы, пустыри, лачуги, землянки, перед нами лежала белая лента шоссе, с звенящей телеграфной проволокой, а впереди, в дымке пыли и тумана, синела роша, та самая, где я когда-то в первый раз слушал шум соснового бора...

Мне было жутко и приятно. Мир, открывавшийся передо мною, был нов и неожидан, или вернее: я смотрел на него с новой и неожиданной точки зрения. Белые облака лежали на самом горизонте, не закрытым домами и крышами. Навстречу попадались чумацкие возы с скрипучими осями, двигались высокие еврейские балагулы, какие-то странники оглядывались на нас с любопытством и удивлением; проехал обоз крымских татар, ежегодно привозивших в наш город виноград и арбузы. Обоз состоял из огромных фургонов, похожих на вагоны, разделённые горизонтальной переборкой на две половины. В одной лежали молодые татарчата, внизу были наложены арбузы и стояли ящики с виноградом. Фургоны были запряжены верблюдами, которых в городе татары показывали за деньги. Здесь, на просторе, мы смотрели бесплатно, как они шлёпали по шоссе мягкими ступнями, покачивая зменными шеями и презрительно вытягивая длинные отвислые губы...

Так мы прошли версты четыре и дошли до деревянного моста, перекинутого через речку в глубоком овраге. Здесь Крыштанович спустился вниз, и через минуту мы были на берегу тихой и ласковой речушки Каменки. Над нами, высоко, высоко пролегал мост, по которому гулко ударяли копыта лошадей, прокатывались колёса возов, проехал обратный ящик с тренькающим колокольчиком, передвигались у барьера силуэты пешеходов, рабочих, странников и богомолков, направлявшихся в Почаев.

Крыштанович подошёл к мысу, образованному извилиной речки, и мы растянулись на прохладной зелёной траве; мы долго лежали, отдыхая, глядя на небо и прислушиваясь к гудению протекавшей сверху дорожной жизни.

Детство часто бесценно проходит мимо самых тяжёлых драм, но это не значит, что оно не схватывает их чутким полусознанием. Я чувствовал, что в душе моего приятеля есть что-то, что он хранит про

себя... Всё время дорогой он молчал, и на лбу его лежала лёгкая складка, как тогда, когда он спрашивал о порке.

Наконец он сел в траве. Лицо его стало спокойнее. Он оглянулся кругом и сказал:

— Правда — хорошо?..

— Хорошо, — ответил я. — А ты уже здесь бывал?

— Да, бывал.

— Один?

— Один... Если захочешь, будем приходить вместе... Тебе не хочется иногда уйти куда-нибудь?.. Так, чтобы всё идти, идти... и не возвращаться...

Мне этого не хотелось. Идти — это мне нравилось, но я всё-таки знал, что надо вернуться домой, к матери, отцу, братьям и сёстрам.

Я не ответил и спросил в свою очередь:

— Слушай... Отчего ты... такой?

— Какой? — переспросил он и прибавил. — Брось... чёрт с ними, со всеми... со всеми... Давай лучше купаться.

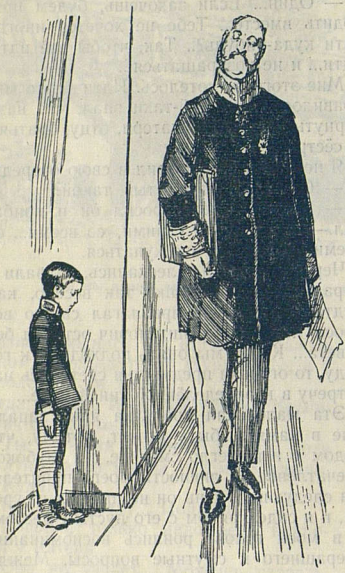
Через минуту мы плескались, плавали и барахтались в речушке так весело, как будто сейчас я не предлагал своего вопроса, который Крыштанович оставил без ответа... Когда мы опять подходили к горю, то огоньки предместья светились навстречу в неопределённой синей мгле...

Эта маленькая прогулка ярко запала мне в память, быть может, потому, что рядом с нею легло смутное, но глубокое впечатление от личности моего приятеля. На следующий день он не пришёл на уроки, и я сидел рядом с его пустым местом, а в моей голове ронились воспоминания вчерашнего и смутные вопросы. Между прочим, я думал о том, кем я буду впоследствии. До тех пор я переменял уже в воображении несколько родов деятельности. Вид первой извозчицей пролётки, запах кожи, краски и лошадиного пота, а также великое преимущество держать в руках вожжи и управлять движением лошадей вызвали у меня желание стать извозчиком. Потом я вообразил себя поляком XVII столетия, в шапке с орлиным пером и с кривой саблей на боку. Потом мне очень хотелось быть казаком и мчаться пьяному на коне по степи, как мчался знакомый мне удалой донской урядник. Теперь я был уже умнее. Мне захотелось быть учителем.

И именно таким, как Прелин. Я сижу на кафедре, и ко мне обращены все детские сердца, а я, в свою очередь, знаю

каждое из них, вижу каждое их движение. В числе учеников сидит также и Крыштанович. И я знаю, что нужно сказать ему и что нужно сделать, чтобы глаза его не были так печальны, чтобы он не ругал отца сволочью и не смеялся над матерью...

Всё это было так завлекательно, так ясно и просто, как только и бывает в мечтах или во сне. И видел я это всё так живо, что... совершенно не заметил, как

...В коридоре показалась рослая фигура директора.

в классе стало необычайно тихо, как ученики с удивлением оборачиваются на меня; как на меня же смотрит с кафедры старый учитель русского языка, лысый, как колено, Белокопский, уже третий раз окликающий меня по фамилии... Он заставил повторить что-то из сказанного, рассердился и выгнал меня из класса, приказав стать у классной двери снаружи.

Я вышел, всё ещё унося с собой продолжение моего сна наяву. Но едва я устроился в нише дверей и опять отдался течению своих мыслей, как в перспективе коридора показалась рослая фигура директора. Поровнявшись со мной, он остановился, кинул величавый взгляд с своей высоты и пролаял свою автоматическую фразу:

— Выгнан из класса?.. Вып-порю мерзавца!

И затем проследовал дальше. Очень вероятно, что через минуту он уже не узнал бы меня при новой встрече, но в моей памяти этот маленький эпизод остался на всю жизнь. Бессмысленный окрик автомата случайно упал в душу, в первый ещё раз раскрывшуюся навстречу вопросам о несовершенствах жизни и разнеженную мечтой о чём-то лучшем... Впоследствии в минуты невольных уединений, когда я оглядывался на прошлое и пытался уловить, что именно в этом прошлом определило мой жизненный путь, в памяти среди многих важных эпизодов, влияний, размышлений и чувств неизменно вставала также и эта картина: длинный коридор, мальчик, прижавшийся в углублении дверей с первыми движениями разумной мечты о жизни, и огромная мундированная автоматическая фигура с своей несложной формулой:

— Вып-порю мерзавца!..

СОЛЬ И ЗОЛОТО

СЛОВАЦКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Пересказала Божена Немцова.

Рисунки И. Кузнецова.

У одного короля было три дочери. Любил и берёг он их больше всего на свете...

Шли годы... Состарился король, голова его покрылась снежной сединой, и стал он думать-гадать, какая же из трёх девушек станет после его смерти королевой. Думал он, думал и наконец решил завещать корону той дочке, которая его любит больше, чем её сёстры.

Созвал король дочерей и говорит:

— Хочу я знать, как вы меня любите.

— Ой, батюшка, я люблю вас так же горячо, как золото! — сказала с жаром старшая дочь и поцеловала руку отца.

— Ну, хорошо, а теперь ты, средняя, скажи, как любишь своего отца.

— Я, дорогой батюшка, люблю вас так же нежно, как мой веночек зелёный! — сказала средняя дочь и опустилась на колени перед отцовским троном.

— Ну, ладно. А теперь ты, меньшая дочка, расскажи, как ты любишь меня.

— Я, батюшка, люблю вас так же сильно и горячо, как соль, — отвечала меньшая дочь Марушка и ласково поглядела на отца.

Старшие сёстры, что всегда норовили обидеть Марушку, принялись на неё кричать:

— Ах ты, негодница, родного отца ценишь наравне с простой солью!

И король рассердился, разгневался. Уж очень обидным показалось ему, что Марушка сравнила своего царственного отца с обыкновенной солью, которая в каждом доме есть и стоит-то гроши...

— Убирайся с глаз моих! — сказал отец Марушке. — Когда настанет такой час, что грошовая соль будет цениться наравне с красным золотом, тогда возвращайся — королевой станешь.

Марушка от горя-печали и словечка проронить не могла, да и привыкла она во всём отца слушаться. Покорно собрала девушка свои пожитки и пошла куда глаза глядят.

Шла она по дороге и без дороги, через горы и доли, через быстрые реки и добралась наконец до тёмного леса. Глядь, а там, откуда ни возьмись, стоит перед ней старая-престарая женщина. Посмотрела она на Марушку и спрашивает:

— Ой, Марушка, Марушка, куда это ты бредёшь и отчего ты такая грустная? Поведай мне.

Девушка рассказала ей о своей беде, да если б и не рассказывала, женщина всё равно догадалась бы. Ведь это была са-

Наконец добралась Марушка до тёмного леса.

ма мудрая бабушка Вещунья. Велела бабушка Марушке следовать за собой и предложила остаться у неё батрачкой. Марушка обрадовалась и сразу согласилась. И вскоре они очутились в маленькой хижине под густыми ветвями. Здесь жила Вещунья.

Бабушка угостила Марушку, чем могла. А еда была свежая, хорошая, хлеб хоть не горячий, да вкусный.

— Ну, а теперь, — сказала бабушка Вещунья, — принимайся за работу... Да скажи, умеешь ли ты кудель прясть, нитки мотать, холсты белить и ткать? Умеешь ли овец пасти и доить?

— Нет, бабушка, ничего я не умею, ничего не знаю, но всё сделаю, как вы укажете.

— Ну, гляди да учись, а я буду показывать. И помни: доля долю найдёт, хоть целый свет пройдёт, доброго всегда добро ждёт.

С жаром взялась девушка за работу. Всё её дивило: ведь раньше она такими делами никогда не занималась... Занятно ей было научиться и прясть, и ткать, и за скотом ухаживать.

А дома в это время сёстрам её вольготнее жилось. Так и вились они возле королевского трона, и что в королевскую казну ни попадало, всё им перепадало. Старшая, что ни день, заказывала себе новые драгоценные наряды, расшитые сияющими самоцветами и красным золотом. А средняя всё созывала гостей, заполночь с ними пировала да плясала. Обе сестры жили сейчас так, как раньше они и мечтать не смели. Только народу от их веселья приходилось нелегко...

Стал и отец-король обижаться на дочерей за такие расходы. Да ведь старшая дочь не находила разницы между отцом и золотом: и отца и золото не жалела. А у средней любовь к отцу увяла так же быстро, как увядает зелёный венок.

Не раз король вспоминал милую Марушку. Но о ней не было ни слуху, ни духу.

«Да и что вспоминать о ней? — думал король. — Ведь Марушка меня ценит равнее с презренной солью!»

Однажды в замке собралось множество гостей, готовился великий пир. Вдруг, не помня себя, прибежал повар.

— Ой, пан король! — кричал он. — Великая беда, великая беда!

— Ну, говори, что стряслось?.. Да никак у тебя ум за разум зашёл? — спрашивает король.

— То-то, пан король, нетрудно и ум за разум зайти. Ведь вся соль, которая в замке была, размокла и словно сама в землю ушла... Чем кушанья-то посолить?

— Вот пустяки, нечего и тревожиться! Пошли кого-нибудь за солью к соседям...

— Куда ж пошлешь-то, пан король? Ведь соль, так же как у нас, в каждом доме исчезла. Во всей стране соли нет!

— Ну, соль не велика штука, — сказал король. — Вари такие кушанья, которые не надо солить.

Подумал, подумал повар: что же приготовить без соли? Но как велит король, так и делать изволь. Стал он варить несолёную еду. На первое что-нибудь, а на второе — сладкое. Теперь гости из дворца уходили несолоно хлебавши. Да скоро и совсем перестали бывать в замке.

Стали купцы привозить соль издалека и горсть белой соли давать в обмен на горсть красного золота.

Что же поделаешь, людям без соли еда в рот не идёт! Еле-еле они бродят. Да что люди! Коровы и овцы — и те отворачиваются от несолёного пойла, и молоко у них пропадает. Заболел король, и его дочери стали походить на тени. Вот какая тяжкая кара обрушилась на королевство... Послал король подводы в чужие страны за солью. Но подводы не возвращались. И наконец наступил такой день, когда иностранные купцы уже продавали щепотку соли только тому, кто давал за неё золота больше других.

И понял марушкин отец, какая важная вещь — щепотка соли. Легче было бы старику-королю горе переносить, если бы не понимал он, что напрасно обидел свою Марушку.

Не знал король, что соль в его родном краю растаяла и в землю ушла по приказу мудрой бабушки Вещуни.

Между тем нашей Марушке хорошо жилось у доброй Вещуни. Теперь на свете не оставалось такого ремесла, которого бы девушка не постигла, такой работы, которую бы она выполнить не сумела. Жила Марушка у бабушки Вещуни и слыхом не слыхала, какая беда стряслась в отцовском доме и в родном краю.

Вот раз позвала мудрая Вещунья Марушку и говорит ей:

— Слушай, девушка, сказала я тебе когда-то, что доля долю найдёт, хоть целый свет пройдёт. Пришла твоя доля. Настало время, когда ты должна домой возвратиться!

— Ах, моя добрая бабушка, да как же я домой пойду, раз отец меня выгнал? — сказала Марушка и залилась слезами.

— Ну, не плачь, не горюй, красная девушка, всё будет хорошо. Стала у тебя на родине нынче простая соль цениться наравне с чистым золотом. Значит, пора тебе отцу показаться.

И Вещунья рассказала девушке о той большой беде, что постигла её родной край. А напоследок старушка прибавила:

— Ты мне исправно служила и теперь

Глядь, откуда ни возьмись,— старая-престарая женщина.

говори, какую награду хочешь ты получить от меня за верную службу?

— Ой, бабушка, вы мне всё добро советовали, добром меня привечали. За всё я вам благодарна. Не нужно мне иной награды, кроме пригоршни соли, чтоб отцу в подарок отнести!

— Да неужели ты другой награды не желаешь? Разве ты не ведаешь, что я тебе всё, что хочешь, могу подарить? — спросила мудрая бабушка.

— Нет, нет, ничего мне от вас не надо, кроме соли, — отвечала Марушка.

Увидала мудрая Вещунья, что не спорить ей Марушку, и говорит:

— Ну, ладно, раз ты хочешь взять лишь пригоршню соли, будь по-твоему, но, кро-

Самые чудесные розы карлики с поклоном отдали своей королеве.

ме соли, дам я тебе ещё золотой прутик. Как подует полуденный ветер, иди по ветру, иди через три долины и через три вершины, а потом остановись и ударь тем прутиком оземь. Где ударишь, там земля распахнёт свои недра, словно крышку сундука. Там найдёшь ты своё свадебное приданое.

Грустно было Марушке расставаться с бабушкой Вещуньей, но надеялась она с ней скоро встретиться. Да и шла сейчас девушка домой к больному отцу; мешкать было нельзя.

Поблагодарила Марушка мудрую бабушку, взяла золотой прутик, взяла узелок соли и пошла через тёмный лес, через горы и реки в отцовский замок.

А в замке Марушку так давно не видали, что слуги не узнали её и не хотели пускать к больному королю.

— Пустите меня,— просит Марушка.— Я пану королю такой дар несу, что он, лишь его отведаст, так и выздоровеет.

Услыхал эти речи сам король и велел пустить к нему девушку. Марушка вошла и попросила дать ей каравай хлеба.

Король вздохнул, велел принести:

— Хлеба-то у нас вволю, да нету соли! — С утра не бывало, к полудню припало,— сказала Марушка.

Отрезала ломоть, развязала узелок, по солила хлеб и подала королю.

Ой, как он обрадовался!

— Ну, девушка,— говорит,— твоему дару цены нет. На что ты соль променяешь? Что захочешь, всё достану тебе.

— Ничего я не желаю, батюшка, берите так,— отвечала Марушка, подошла к отцу и обняла его.

Король чуть не умер от счастья, когда узнал свою дорогую Марушку. А девушка глядит на отца, наглядеться не может.

Вот и стало всё ладно да складно. Разнеслась весть по замку и по городу, что пришла меньшая королева и соль принесла. И все этому радовались. Даже сёстры-королевы развеселились, правда, радовались они не столько Марушке, сколько соли.

А Марушка забыла, как сёстры обижали её, и сейчас их хлебом и солью стала потчевать. И каждого, кто приходил в замок, Марушка наделяла солью из своего узелка. Испугался отец, что этак они сами без соли останутся, но Марушка говорит:

— Ничего, батюшка, авось, я ещё достану!

И продолжала каждому проходящему давать понемножку соли. Но сколько она ни раздавала её, соль у неё не убывала.

А король опять вспомнил о своей старости и о будущей наследнице престола. Но

теперь он уже не думал, не гадал, а сразу решён отдать корону Марушке.

Однажды девушка гуляла в зелёном саду под высоким небом, и почуяла она, как тёплый ветер ей в лицо подул, подул с полудня. Марушка, как научила её мудрая бабушка, взяла золотой прутик и побежала за ограду. Прошла она три долины, три вершины и ударила по земле своим прутиком.

Как ударила она, расступилась земля, распахнулась, словно крышка сундука, и Марушка очутилась в земных недрах. Глядь, а там великолепные палаты: и полы, и стены, и потолок, не то алмазные, не то серебряные, блистают, сияют белизной. А дальше виднеются такие же белые, мерцающие столбы. А вокруг с горящими свечильниками карлики ходят, седыми бородами трясут.

— Привет тебе, королева, привет! Мы тебя ожидали! Наша хозяйка нам приказала, чтоб мы тебе всё показали, ведь это твоё добро — живое серебро.

И длиннородые карлики повели Марушку вглубь пещеры, где с потолков свисали застывшие сверкающие глыбы, серебрясь и сияя, словно снег на солнце. Карлики привели Марушку туда, где алены яхонтовые розы, где цвели цветы такие прекрасные, каких на земле и не встретишь. Самые чудесные розы карлики с поклоном отдали своей королеве. Но вот

диво: чудесные цветы не издавали запаха.

— Это соль! — сказали карлики. — Она здесь растёт. Она твоя, Марушка, и сколько бы ты ни брала её отсюда, запасы соли здесь никогда не иссякнут.

Марушка поблагодарила карликов, попрощалась с ними и вышла на белый свет. Но земные недра так и остались открытыми. Воротилась домой Марушка, невиданные розы отцу показала, всё как есть ему рассказала. И понял король, что его Марушка таким богатым приданым оделена, какого он дать ей никогда бы и не смог...

И стала Марушка жить-поживать. По поводу ей слава и честь была.

Скучала только Марушка без бабушки Вещуны, всюду искала её... Не раз, а сто раз шаг за шагом обошла Марушка родной край: искала она хижину под густыми ветвями, где жила когда-то мудрая Вещунья, добрая бабушка. Но о бабушке Вещунье не было ни слуху, ни духу...

Но не забыла Марушка мудрые и добрые советы Вещуны. Каждому бедняку девушка помогала. И у всех стало вволю хлеба и соли.

Марушка знала, что в земле её приданое — соль — лежит... Брала её оттуда, брала, а выбрать не могла. Соль росла да росла и до сих пор растёт.

Перевод Надежды Белинович.

КАВКАЗСКИЕ РАССКАЗЫ

Владимир Коновалов

Рисунки В. Трофимова.

Лесная лечебница

Из всех концов Кавказского заповедника начали поступать тревожные вести: у естественных и искусственных солонцов волки подстерегали копытных животных и внезапно нападали на них...

Директор заповедника вызвал к себе старшего наблюдателя Пиленкова и поручил этому лесному грамотею, как в шутку называл он старика, обследовать все солонцы.

— Туда, где волки больше всего бесчинствуют, пошлём охотников; где можно будет, надеюсь, сам справишься.

Пиленков с охотой принял ответственное поручение и пригласил меня отправиться с ним в горы. Времени на сборы потребовалось немного, и вскоре мы уже пробирались по лесу, вплотную прилегающему к центральной усадьбе заповедника, поляне Гузерыль.

Повсюду чувствовалась неукротимая сила весны. В зелёной траве пестрели яркие цветы. На кустах лещины виднелись мо-

лодые листочки, словно только что появившиеся на свет и ещё не расправившие свои смятые крылышки мотыльки. На развесистых дубах блестели клейкие, полураскрывшиеся почки.

Снизу и почти до снеговых вершин горы, казалось, были в зелёной пене. Молодая листва исполинских деревьев скрывала от наших глаз горбатые отроги, глубокие обрывистые щели, крутые скалы. Сверху необозримые лесные просторы наминали каскады могучих волн.

Повсюду было множество птиц. Над своими уютными домиками — дуплами — посвистывали синицы. Из непролазных кустов ежевики выпархивали дрозды. На освещённых солнцем полянах хлопали крыльями и широко распускали лирообразные хвосты напыженные драчуны петухи-тетерева. Они подпускали нас совсем близко.

Поднимаясь вдоль берегов реки Умпырь, мы забрались довольно высоко в горы.

— Вот она, целебная криница! — показывал Пиленков на неглубокую выемку, в которой бил ключ. — Вода тут богата минеральными солями. Таких солонцов по

заповеднику много. Сюда приходят звери лечиться.

Был полдень. У источника животных не было, но слова проводника подтверждали вещественные доказательства: неподалёку от источника валялся недавно сброшенный оленем рог, земля вокруг была истоптана копытами животных.

— В мае травы много, но без соли зелень не еда, по себе знаю: огурцов без соли много не съешь. В мае звери больше всего солонцуют, — сказал Пиленков.

За время нашего путешествия по заповеднику я научился различать следы животных. Но у солонца было так много следов, что я ничего не мог разобрать: сплошная рябь покрывала влажную почву. Мне трудно было разобраться в этой запутанной регистрации четвероногих посетителей лесной лечебницы.

— Грамотный вы человек, а лесную книгу читать как следует не умеете, — ворчал старик. — Вот, — он указал палочкой на след, — напуганный олень стороной заходил ночью, часика в три, должно быть. В то время луна вот отшель светила, а этот пенёк тень бросал, оттого олень сторонился, тени пужался. — Пиленков передвинул палку-указку. — А на той неделе малое стадо к солонцу подходило. Дождь тогда как раз шёл, и следы очень глубокие остались. Утречком проходили олени... — Старик переводил глаза со следа на след, среди следов копытных животных находил волчьи, внимательно считал их и записывал в тетрадь.

Мне очень хотелось посмотреть животных у источника, и я сказал об этом Пиленкову.

— Чтобы их увидеть, надо засидку делать, — ответил наблюдатель.

На Кавказе засидками охотники называют укромные места, откуда можно незаметно наблюдать за зверями.

Такое место старик облюбовал на выскоке дереве к северу от источника.

— Против света зверь хуже видит... Только чтобы поглядеть зверей, нам придётся всю ночь промучиться на дереве.

Я согласился.

От источника уходили мы по своему же следу. Пиленков плескал на следы из котелка минеральную воду, набранную в источнике.

— Чтобы звери наш дух не почуяли, — объяснил он.

На восходе солнца появилось шесть оленей. Не доходя до солонца, они оста-

новились, величаво приподняв головы. Впереди стоял рогаль-самец, за ним рядком выстроились ланки, одна ланка с маленьким оленёнком замыкала группу.

Строгие животные, высоко подняв уши, внимательно смотрели на дерево, где мы сидели, затаив дыхание. При утреннем, ещё слабом освещении гладкая шерсть их легко серебрилась. Олени напоминали прекрасные изваяния, кем-то поставленные здесь, в диком лесу.

Не заметив нас, олени осторожно подошли к целебному роднику и, слизывая с камней соль, видимо, забыли поглядывать по сторонам.

Пиленков молча лёгким движением головы указал мне на камни неподалёку от солонца. Три волка притаились там, под карауливая оленей.

Пиленков прицелился, блеснул огонь, раздался один, затем другой выстрел.

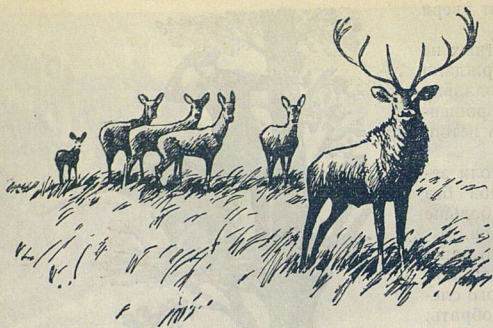
Стройные животные молниеносно скрылись в лесу.

Ружейные вспышки на миг ослепили меня.

— Напрасно напугал оленей, — сказал я Пиленкову. — Всё равно ведь промазал!..

— Олень напугал я не зря, — пояснил наблюдатель. — Иначе бы волки их погубили. А вот насчёт того, промазал я или нет, сейчас увидим.

Обхватив гладкий ствол бука, Пилен-

как быстро спустился на землю. Вслед за ним приземлился и я. Не доходя до камней, старик остановился и показал на вытянувшегося волка с откиннутым пушистым хвостом.

— А ты говорил, промазал! Нет, брат, от меня волки ещё никогда целыми не уходили.

Оттащив волка подальше от источника, Пиленков снял с него шкуру, а тушу мы глубоко закопали.

— Иначе копытные животные будут бояться приходить к кринице,— пояснил Пиленков.

На границе заповедника

Знойное лето пришло на высокогорье.

Солнце своими лучами, казалось, придавило тучи к вершинам гор, они висели недвижимо, словно ждали ветерка. Но ветра не было. В лесу под деревьями стояла тяжёлая духота, и нигде нельзя было найти прохлады.

Вторые сутки пробирались мы с Пиленковым по каменистым тропам, спускаясь с вершин Главного Кавказского хребта. Наконец мы добрались до сторожки, где жил наблюдатель заповедника Пётр Ткач. Старик радостно принял нас, угостил холодным хлебным квасом и зелёным луком, указал, где лечь отдохнуть. А сам заторопился в обход.

— Куда тебя несёт в эту жарю? — удивился Пиленков, устраиваясь на отдых.

На стене висело расписание маршрутов, по которым ходил Ткач. Я прочитал коряво написанную от руки табличку.

— По расписанию в этот час выход не указан,— сказал я.

— Не положено мне отдыхать сейчас. Может, в это время зверей будут стрелять,— отвел наблюдатель и поспешно вышел, захлопнув за собой дверь.

Мне почему-то подумалось, что с Ткачом я увижу в заповеднике что-нибудь такое, что мне ещё не удалось повидать, и я выбежал вслед за стариком во двор.

— Возьмите и меня с собою,— попросил я наблюдателя.

— Не отдыхаете? Ну что ж, пойдём, что с тобой поделаешь,— согласился Ткач.

Граница огромной территории заповедника проходит по речкам, отрогам, горам, а кое-где и по просёлочным дорогам. Служебные домики, или, как их в заповеднике называют, кордоны, расположены вдоль границы заповедника. Недалеко от домика, где жил Ткач, проходила плохо накатанная гужевая дорога, а за ней внизу простирались земли высокогорного колхоза.

Мы шли рядом с дорогой, как раз вдоль границы заповедника. Наблюдатель, низко наклоняясь к земле, тщательно осматривал извилистую тропу, исчезающую в зарослях кустистых азалий, и внимательно прислушивался.

— На этом участке браконьеры в заповедник не прошли. У меня не пройдёт!.. — Ткач на миг прервал разговор и насторожился.— Слышишь?..

Где-то за пределами заповедника что-то трещало, хлопало и ухало.

Мы осторожно выглянули из-за кустов и оторопели. Прямо на нас к заповеднику мчались вооружённые всадники.

— Скорей! — заторопился Ткач. — Зверей наших преследуют!

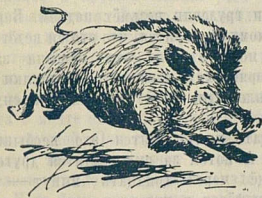
Вскоре мы отчётливо увидели, что вооружённые парни на лихих конях скакали за раненым кабаном.

Большой длиннорылый кабан, переваливаясь с ноги на ногу, медленно пробежал неподалёку от нас. Из его широко открытой пасти, напинавшей расколотый пополам острый клин, крупными ключьями падала пена.

Ткач вышел на дорогу и наклонился. На дорожной пыли виднелась тонкая струйка крови.

— Ранен, — тихо произнёс Ткач.

Обессиленное животное отбежало от дороги метров на двести и тяжело улеглось.

Доскакав до границы заповедника, передний верховой сильно натянул поводья, его скакун высоко поднял передние копыта. К первому всаднику, сдерживая горячих коней, подъехали остальные.

Ткач замедлил шаг.

— Сознательные пошли: по колхозной земле смело скакали, а в заповедник не едут. Тут, понимаешь, недалеко село находится. В этом году колхозники посадили новый сорт картофеля — лорх. Наши звери пронюхали и, конечно, шкодят на опытном участке. Вот колхозу и дали разрешение, пока не поспеет картофель, отстреливать на своём поле кабанов.

Мы направились к охотникам.

Убедившись от них старый кабан, очевидно, отлично знал границу заповедника: он лежал за ней и спокойно поглядывал на молодых колхозников.

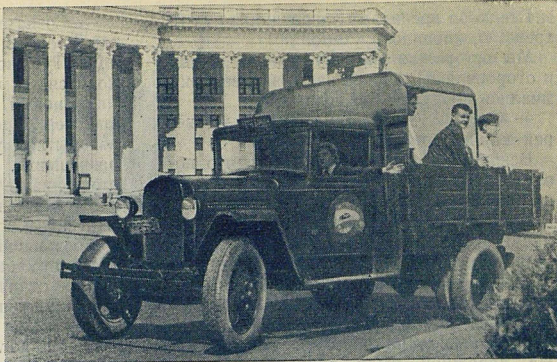
— Дядя Петя! — окликнул Ткача сидевший на лихом скакуне парень, тот, что подскакал первым. — Твой кабан грамотный, что ли?

По нашему полю, как скаженный, бежал, а тут, за дощечкой с надписью «Заповедник», как хозяин, развалился.

— А как же, звери знают свою заповедную землю, — проговорил Ткач. — И этот кабан уверен, что тут вы его не тронете. — Он подошёл вплотную к всаднику и крепко пожал ему руку. — Спасибо, что дальше не преследуете. Заповедник — народное добро, его хранить надо.

— Ну ладно, — ответил парень, — в заповеднике пусть ваши кабаны спокойно живут, но в наших огородах лучше им не попадаться. — Он шутя погрозил раненому кабану плёткой и, повернув коня, пустился вскачь обратно.

ЗА РУЛЕМ

Н. Александрова

Есть в Москве на Садово-Самотёчной улице небольшой дом с вывеской «Клуб юных автомобилистов». Сама по себе эта вывеска внимания не привлекает. Ведь сколько теперь разных клубов устроено для детей! Но всегда останавливают прохожие — и пожилые и молодые, — и мальчишки сбегаются со всех сторон, когда из ворот, рядом с этой вывеской, выходит грузовая машина. Даже постовой милиционер как-то по-особенному торжественно встречает эту машину. Он-то отлично знает, что это за машина и куда ей сейчас надо ехать. Вот, чуть вздрогнув, машина медленно выезжает со двора на мостовую, поворачивает направо и, влившись в поток таких же автомобилей, едет по широкой Садовой. Грузовик ничем не отличается от других, но, если он остановится, вы обязательно услышите удивлённое: «Смотрите: мальчишка за рулём!», или: «Посмотрите: девочка ведёт машину!». И каждый приостановится, чтобы взглянуть, как большой грузовой машиной управляет юный водитель, школьник...

А что чувствует в это время сам водитель! Давно ли, кажется, Боря Ежилов, ученик 7-го класса 204-й школы, мечтал хоть посидеть в кабине подле руля, хоть до конца переулочка прокатиться? А сейчас он самостоятельно ведёт автомобиль! Повернёт руль направо — и машина послушно свернёт направо; нажмёт ногой тормоз — и остановит её; переключит пере-

дачу — и грузовик возьмёт подъём. Боре порой даже самому не верится, что это он ведёт машину и что по его воле эта машина замедляет или ускоряет ход, выезжает в переулочки и пересекает площади, берёт подъёмы и спускается под гору.

Тридцать минут длится это необыкновенное счастье. А потом за руль садится другой мальчик, ещё через тридцать минут — третий... Шесть шофёров в кузове и один за рулём. Так они едут по городу, сдавая инструктору экзамен на право вождения автомобиля. Каждый год более двух тысяч мальчиков и девочек получают в клубе удостоверения юного водителя автомашин.

Летом после экзаменов клуб организует для лучших водителей дальние поездки-путешествия. Тогда все тринадцать клубных машин выезжают из гаража. Ребята едут на Волгу, на Украину, в Белоруссию. За лето они объезжают десятки городов. Сколько разнообразных картин открывается перед их глазами, сколько чудесного они узнают в своих путешествиях по родной стране! Счастливые!

1

2

3

4

Дорожные знаки, помещённые здесь, обозначают: 1. Ехать только прямо. 2. Движение машин воспрещено. 3. Остановка воспрещена. 4. Не сигналы!

Но что же сделало этих ребят счастливыми?

У всякого счастья, оказывается, есть своя история. Никогда ещё не бывало, чтобы за человека всё сделал его счастье: и мотор, скажем, изучило, и карданный вал само начертило в тетрадке, и проникло бы в тайны зарядки и разрядки аккумулятора. У счастья, оказывается, нет привычки делать что-нибудь за другого. Ребята, которые так счастливо путешествуют по стране, добились своего счастья сами. И недаром ведь они-то путешествуют, а вот другие ребята, которые вместе со счастливыми водителями поступали в клуб, ездят по своему переулку на самодельном двухколёсном самокате.

Когда в школах записывали ребят в автомобильные кружки при домах пионеров, от желающих не было отбоя. Целые классы собирались стать водителями. А потом... Потом далеко не все ребята взялись за дело всерьёз. Бывали случаи, когда из десяти записавшихся в кружок только трое получали права автолюбителя. Десять приходили на первое занятие, и лишь трое из них были на последнем, на том самом, когда ребята самостоятельно ездил по городу. А мечтали все ребята именно об этом занятии, ради этого и записывались.

Дорога к мечте оказалась для некоторых ребят слишком трудной. Они думали: как только придут в клуб, так сейчас сядут за руль и поедут. А оказалось, что до этого счастья надо ещё идти и идти. Надо было три месяца изучать устройство автомобиля, учить законы физики и хи-

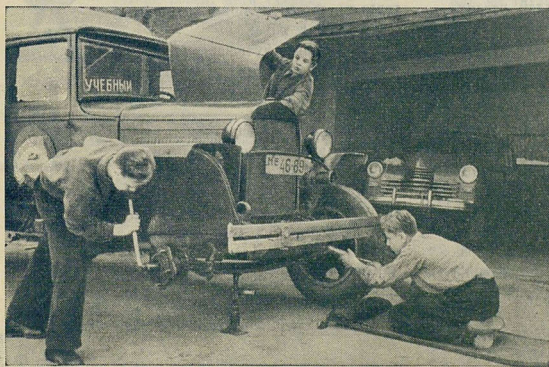

Водителю машины нужно отлично знать правила уличного движения. И ребята изучают их, прежде чем сесть за руль.

ми, чертить и разбираться в сложных схемах. Двигатель, система зажигания и система охлаждения, система управления, карбюратор — всё это надо было серьёзно изучить. И вот тут-то у многих не хватало упорства и настойчивости. В клубе остались только самые упорные ребята.

Конечно, и эти ребята пришли в клуб с одной целью — скорее бы сесть за руль! Они, может быть, и не задумывались никогда над тем, как устроен автомобиль. На занятиях им показали его механизм. Первый раз ребята увидели, как зарождается в нём движение..

Всё, что совершалось под крышкой капота обычно невидимо для ребят, на занятиях было перед ними открыто. Они наблюдали, как в аккумуляторе химическая энергия превращается в электрическую, как ток напряжением в 6 вольт превращается в индукционной катушке в ток высокого напряжения в 15 тысяч вольт. Ребята узнавали в работе автомобиля действие знакомых им законов физики и химии. Они и раньше знали их не только по книгам, — в школьных лабораториях они проводили много опытов. Но тут ребята наглядно увидели, как мысль человека, богатого знаниями, сумела использовать для создания машины действие самых различных законов, заставила их помогать или противоборствовать друг другу, в зависимости от того, что было нужно людям.

Правильный уход за машиной — одна из главных обязанностей юных автолюбителей. Юра Муллин, Гена Чистяков и Саша Власов готовят свою машину к выезду.

Юные мотоциклисты учебную езду проводят за городом. Этой зимой они выезжали в Химки.

Чем больше ребята изучали автомобиль, тем яснее открывались им замыслы конструкторов и строителей автомобиля. Они уже отлично понимали, почему поршни и поршневые кольца отлиты из чугуна, а, например, шестерни главной передачи или коленчатые валы сделаны из стали. Ведь шестерни главной передачи работают с большой нагрузкой, и от них требуется особая прочность. Ребята теперь представляли, чем отличаются двигатели автомобилей различных марок, понимали, зачем у автомобиля «ГАЗ-63» сделаны две ведущие оси. Ребята изучили автомобиль ещё до того, как первый раз вошли в гараж. И вошли они в гараж с любовью к этим сильным и быстрым машинам.

До поездки по городу было ещё далеко, но они уже «ездили». В клубе на столе стоит макет городских улиц. По улицам бегают миниатюрные трамваи, троллейбусы и автобусы. На перекрёстках загораются красные и зелёные огоньки крошечных светофоров. В городе с большим движением водители должны точно соблюдать правила уличного движения, и ребята старательно учили эти правила сначала на макете городской улицы.

Вот узкая улочка, посреди которой висит жёлтый круг с нарисованным в центре легковым автомобилем. Это значит: движение автомобилей здесь воспрещено, и маленькая машина, которую кто-то из ребят ведёт рукой, покорно

сворачивает на соседнюю улицу. Вот в жёлтом квадрате чернеет треугольник. Тише, тише, шофёр! Сбавляй скорость: здесь находится школа. Знаете, как неосторожно порой выскакивают ребята на дорогу. Гляди, шофёр, в оба! А вот большая буква «Р» — это стоянка для автомашин. Останавливайтесь, отдохайте! А вот эта же буква «Р», перечёркнутая красной чертой, — здесь стоянка запрещена, проезжайте дальше. А вот красной чертой перечёркнут нарисованный в круге рожок. Верно, где-то поблизости здесь больница или какое-то другое учреждение, где людям нужна полная тишина. И будущие шофёры проводят свои машины тихо — здесь гудеть нельзя...

Наконец наступает день, когда юные водители на самом деле выезжают из гаража. Мальчики и девочки ведут машины мимо настоящих школ и больниц, по настоящим улицам. Перед ними загораются настоящие светофоры, на перекрёстках стоят строгие милиционеры. Вереницы машин мчатся навстречу, пересекают дорогу, догоняют, становятся рядом. Какой это счастливый и тревожный день! День, когда так ясно ощущаешь силу звания, великую власть, которую оно даёт!

Если б только можно было, юные водители в этот свой первый рейс, наверно, никогда не вылезли бы из кабины и на радостях всё ездил бы и ездил по городу. Но через тридцать минут инструктор отправляет водителя в кузов. Первый урок короткий. Зато через несколько дней юные водители поедут снова, и ещё раз, и ещё, до тех пор, пока каждый не научится хорошо вести машину. И тогда... Вот тогда-то самые лучшие водители и отправятся в поход.

...Участники дутешества, в синих пилотках и синих комбинезонах, с волнением ждут заветной команды:

— Экипаж, по машинам!

И вот из ворот навстречу постовому выезжают одна за другой машины, на этот раз уж не одна, не две машины, а все тринадцать. Впереди идёт командорская «Победа», в ней едет начальник клуба Юрий Викторович Плотноков и три сменных водителя, три Саши — Саша

5

6

7

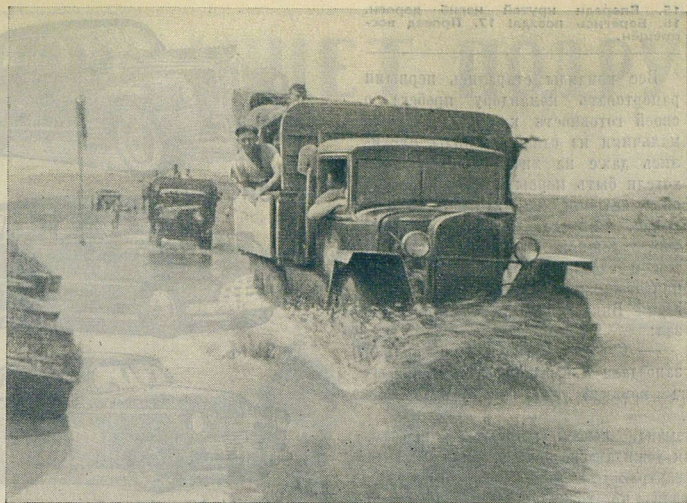

8

9

5. Обгон воспрещён. 6. Стоянка воспрещена. 7. Ехать можно прямо и направо. 8. Поворот для движения в обратном направлении. 9. Осторожно, пешеходы!

Уверенно ведут юные шофёры свои машины в дальнее путешествие. Даже быстрая речка не может стать им преградой.

ков, Саша Воронков и Саша Кумыкин. Идет стрекот мотоциклов, — шестнадцать отправляются в путь на мотоциклах.

Бегут дороги вдаль,

Идут по ним машины.

Сидим мы за рулём

И едем всё вперёд...

Водитель юный, даже в

трудный час

Ты не робей, веди смелей,

Путями Родины своей

Стремясь решительно

Вперёд, вперёд!

Этот марш сочинили ребята, отправившиеся в путешествие по маршруту:

Москва — Пенза — Саратов — Сталинград — Цимлянское море — Краснодар — Ворошиловград — Харьков — Москва. Путешествие в самом деле было настоящим боевым маршем смелых, сильных и закалённых ребят.

Большую часть пути они ехали по хорошему шоссе, но встречалось немало и трудных участков. Приходилось ехать степью, песками, по

размытым дождями просёлочным дорогам, подниматься по глинистым кручам, пересекать ручьи и реки. Бывало и так, что еле-еле выбирались из вязкой, непролазной грязи. Бывало, что приходилось самим ремонтировать мосты на дорогах... Вот когда пригодились знания, полученные ребятами на первых занятиях в клубе в то время, когда спидометр не отметил ещё ни одного метра их пути!

Как ни труден был путь, но технические знания и сноровка ребят помогли пройти его без единой поломки. Все машины вернулись исправными, а ведь прошли они 3 600 километров! В пути юные водители, как и полагается нашим хорошим советским шофёрам, сэкономили горючее.

На каждой машине был свой экипаж, своя команда из восьми человек. Они по очереди вели машину. На стоянках по очереди готовили обед, жили в одной палатке, играли в волейбол и футбол, выпускали маленькие боевые газеты «Путевой листок». Жили ребята по твёрдому и строгому режиму. На утренние сборы: на то, чтобы развести костёр, сварить завтрак, сделать зарядку, выкупаться, позавтракать, собрать вещи, снять палатки, подготовить машины к выезду, — полагалось час пятьдесят минут, почти столько же, сколько проходит времени от подъёма до завтрака в пионерском лагере. А ведь в лагере нет и половины тех дел, которые должны были сделать водители машин.

10. Ехать только направо. 11. Перекрёсток. 12. Внимание: опасно! 13. Въезд воспрещён. 14. Стоянка транспорта.

15

16

17

15. Вперед крутой изгиб дороги.
16. Берегись поездов! 17. Проезд встречен.

Все команды старались первыми рапортовать командору пробега о своей готовности к выезду. Как-то мальчики из одной команды пустились даже на хитрость, — так они хотели быть первыми. Для скорости они сварили на завтрак только какао. «Ничего, потеряли до обеда», — решили они. Как задумали, так и сделали. Но, когда все уже приготовились садиться в машины, Юрий Викторович неожиданно сказал:

— Сегодня, ребята, мы сильно запоздаем с выездом. У нас, оказывается, одна команда ещё не успела позавтракать...

И семь команд, совсем готовых к выезду, должны были дожидаться, пока восьмая команда варила себе завтрак.

— Пospешай, не торопясь, — сказал Юрий Викторович в назидание мальчикам.

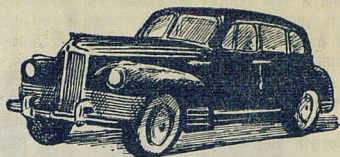
Среди путешественников была команда девочек.

Перед отъездом многим казалось, что девочки не выдержат такого испытания, что на полдороге, как выражались некоторые мальчики, они «раскиснут». Но девочки отлично прошли весь путь. Они сами всю дорогу вели машину, сами на стоянках мыли её и чистили, сами меняли лопнувший баллон, несли ночную вахту.

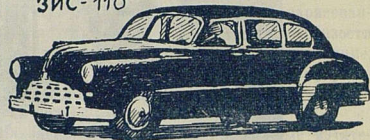
Они никогда ни в чём не просили помощи, но сами охотно помогали другим. Такой уж у этой команды был характер. Вечерами, когда автомобилисты разбивали где-нибудь в лесу свой походный лагерь и, поставив полукругом машины с зажжёнными фарами, устраивали танцевальную площадку, девочки были первыми заводилами в танцах и играх. Они участвовали и в волейбольных и в шахматных состязаниях. И мальчики уважали команду девочек. Идя за водой, они старались захватить и бак первой команды; собирая топливо для костра своей команды, собирали его и для девочек. Ведь для товарища, которого уважаешь, всегда хочется сделать что-нибудь хорошее...

Тридцать два дня пробовали юные автолюбители в походе. Тридцать два дня жили они чудесно жизнью. Просыпались утром в одном краю, а вечером разбивали палатку за сотни километров от своей прежней стоянки.

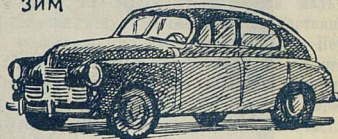
И началась эта жизнь в тот день, когда ребята впервые записали в своих тетрадях: «Автомобиль состоит из двух основных частей: шасси и кузова...»

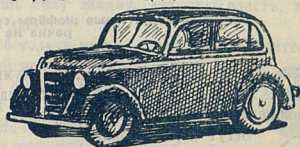
ЗИС-110

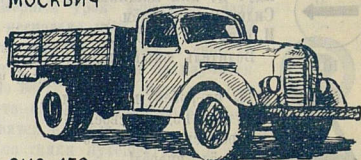
ЗИМ

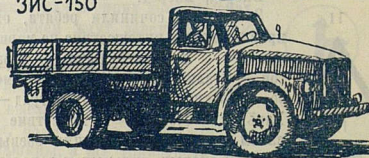
ГАЗ М-20 ПОБЕДА

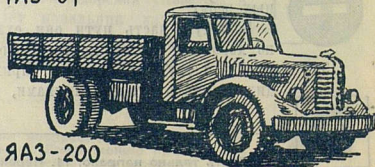
МОСКВИЧ

ЗИС-150

ГАЗ-51

ЯАЗ-200

НИНА ИЩЕТ ПОДРУГУ

ФЕЛЬЕТОН

А. Вавельский

Рисунки И. Семёнова.

Как жаль, что редакция «Пионерской правды» не принимает от школьников никаких объявлений! Ну, скажем, таких, как в газетах для взрослых читателей:

«ТРЕБУЕТСЯ токарь
7-го разряда».

Или:
«НУЖНЫ инженер-технолог, секретарь-машинистка и главный бухгалтер».

Нина, например, с радостью поместила бы самым жирным шрифтом вот такое объявление:

«СРОЧНО нуждаюсь в подруге.
Звон. тел. 5-55-55».

Читатели, конечно, удивлённо спросят: как, у девочки школьного возраста нет подруги? Может ли это быть? Может! Вы думаете, для Нины легко найти подругу? Как же, попробуйте! Знаете, сколько подруг переменяла она за последние два года?

Со счёта собьёшься! Вы требуете факты? Пожалуйста.

С Лидой Проиной они, как говорится, не сошлись вкусами. Нина в восторге от мороженого, она может поглощать брикет за брикетом. А Лида его терпеть не может.

— Это же ненормально! — возмущается Нина. — Не делай сумасшедшие глаза! Я тебя научу любить мороженое. Пробуй!..

И Нина пытается насильно засунуть Лиде в рот эскимо. Лида отворачивается и виновато оправдывается:

— Мне мама не разрешает. У меня гланды увеличены...

— Подумаешь! Трусиха! — фыркает презрительно Нина. — Мамочки боится! Как маленькая!

И Нина с негодованием резко поворачивается на каблуках. Дружбе конец! Подруга должна любить то, что любит Нина.

С Машей Гуляевой дружить совершенно невозможно! Она не желает хранить секреты. Ну, пусть бы сболтнула нечаянно... Нет, она нарочно! В сентябре были выборы совета отряда. Кто-то

из девочек назвал кандидатуру Нины. Что же вы думаете? Поднялась Маша и говорит:

— Нина не подходит! Она тайно от своих родителей бегаёт в кино. А вчера она обманула учительницу французского языка Софью Николаевну. Получила незаслуженную пятёрку: Нина отвечала урок по шпаргалке.

И вот Нину не выбрали. Какая же это подруга? Предательница — и всё! Нина её видеть не может!

Вера Баранова тоже хороша! Хотя и сидит с Ниной на одной парте, чувства товарищества у неё ни на кончик мизинца. Ни чуточки! Судите сами: на уроке истории учительница предложила Нине рассказать об Иване Грозном. В голове у Нины путались два события и две даты: осада войсками Ивана Грозного Казани и покорение Астраханского ханства. Но что было в 1552 году, а что в 1556, — вот этого Нина не могла вспомнить. Нерешительно и наугад она начала с Казани, и это было пра-

вильно, но она забыла год и взглянула на подругу, взывая о помощи: «Подскажи одними губами окончание даты, два или шесть». Нина умеет читать по губам. Никто же не просит шипеть змеёй на весь класс, чтобы услышала учительница.

Но эта «подруга», приняв от Нины взволнованный сигнал о помощи, покраснела и отвернулась. Вы думаете, она сама не знала? Знала! Когда учительница спросила: «Кто же может ответить?» — она первая подняла руку. Жалкая эгоистка! После урока на перемене Нина её отчитала. Ого, как отчитала! И «жалкая эгоистка» расплакалась. Она же ещё расплакалась! И бормотала, всхлипывая, что подсказка — это бесчестный поступок. Конечно, надо же чем-нибудь оправдать свой эгоизм!.. Нет, с такими себялюбцами Нина дружить не может. Всё! Хватит!

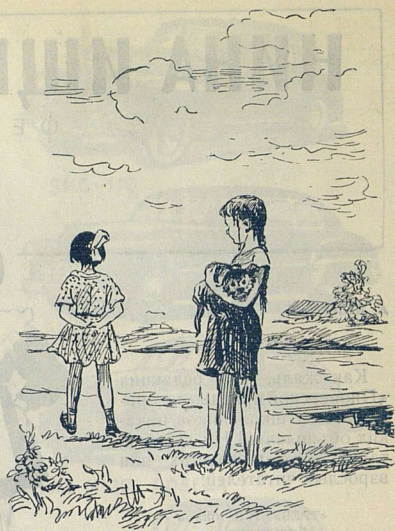
Не лучше и Соня Брузжак! Попросила однажды у Нины её бамбуковые лыжные палки. У неё, видите ли, тяжёлые палки, а ей надо участвовать в лыжных соревнованиях. Хорошо, допустим, что Нина не участвует в этих соревнованиях, но ведь ей тоже хочется в воскресенье походить на лыжах! Так что же, отдать лыжные палки, а самой как? Нина была возмущена бесцеремонностью Сони и палок не дала. И так Нине стало обидно, что в воскресенье она совсем не каталась на лыжах. А на другой день Соня пришла в школу такая надутая, что не хотелось с ней разговаривать. С кем дружить после этого, скажите?!

С Кирой Садовской? Что вы! Совсем надёжная девочка. Она променяет встречу с подругой на любое дело в школе. То у неё самодеятельность, то стенгазета, то подготовка к сбору. С такой подругой и поблтать-то некогда!

Тоня Бакчеева — юннатка. Помешана на своих кактусах и домашних лимонах. А что хорошего? Колючки и кислятина!

Милочка? Эта скучна до зевоты. Только и говорит, захлёбываясь, о прочитанных книжках. Повести и рассказы ей дороже болтовни с другом. Ну что ж, пусть и ходит с книгами.

Вот летом чуть-чуть не завязалась настоящая дружба. Нина жила на даче. К ней на два дня приехала погостить Надя Ширяева. Они так весело играли в мяч, купались, катались на велосипеде. А в вос-

кресенье собрались ехать в город на детский утренник. И надо же было случиться такой беде! Когда они выхолили из дома, в пруду, рядом с дачей, раздался какой-то отчаянный писк. Оказывается, маленький щенок сорвался с плота в воду и стал тонуть. Надя прямо в нарядном платье и новых сандалиях бросилась спасать этого противного щенка. Это было бы ещё полбеды, если бы она не утопила свою сумочку, где лежали театральные билеты. Конечно, Нина очень рассердилась! Как тут не рассердиться? А Надя обиделась и ушла домой пешком (двенадцать километров!) мокрая и грязная. Она же ещё обиделась! В благодарность за то, что её пригласили в гости, испортила Нине на три дня настроение. Вот какие бывают люди!

Ну, разве это подружки? Сколько Нина переменяла их, передружив за год чуть ли не со всем классом! И вот результат: одна-одинёшенька.

Конечно, жаль, что нельзя поместить в «Пионерской правде» такое объявление: «Срочно требуется подружка!» Одна надежда, что, может быть, нашлась бы девочка из соседней школы. Другого выхода нет!

В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Лагерную мастерскую можно устроить где-нибудь во дворе, или в саду под навесом, или просто под раскидистым, тенистым деревом.

Простой стол-верстак, если нет готового, нетрудно сделать самим: четыре—пять досок, сбитых вместе поперечными планками, будут столешницей, а четыре полена, врытые в землю,— достаточно прочные ножки для рабочего стола (рис. 1).

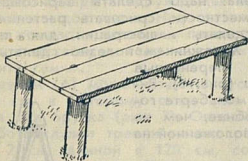

Рисунок 1.

Инструмент — молотки, рубанки, два — три шила — надо купить. Пилы можно сделать самим, используя ножовочное полотно. Надо только приделать к ним станочки-лучки (рис. 2).

Сделайте станочек из трёх брусков, скреплённых фанерными накладками и гвоздями (ещё лучше взять шурупы и клей).

В свободных концах коротких брусков пропилите пазы, вставьте в них ножовочное полотно и укрепите его в станочке двумя гвоздями, проходящими через бруски и отверстия полотна. Чтобы полотно было немного натянуто, растя-

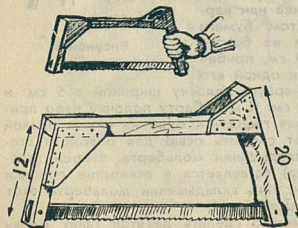

Рисунок 2.

ние между концами станка должно быть таким, чтобы, вставляя полотно, их нужно было слегка сжать.

Для удобства работы острые края косо поставленного бруска (20 см) скруглите и зачистите шкуркой.

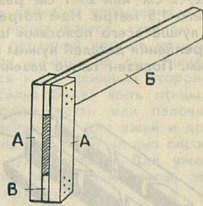

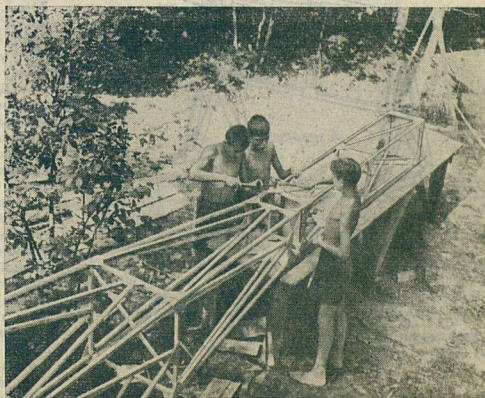
Рисунок 3.

Полотна для пил надо выбирать с зубцами средней величины: большие зубцы скалывают дерево, а слишком мелкие быстро забиваются опилками.

Для работы нам потребуется ещё угольник: с его помощью проверяют правильность соединения частей под прямым углом (рис. 3).

Отпилите два бруска (А) 2×2 см, длиной в 20 см. Соедините их гвоздями с фанерной полоской (Б) шириной в 6 см и длиной в 25 см, как показано на рисунке 3, с противоположной стороны между брусками проложите фанерную прокладку 2×4 см и тоже прибейте гвоздями. При этом следите, чтобы внешний угол угольника (образуемый внешними сторонами брусков и линейки) и его внутренний угол были равны 90° .

Очень полезно простое приспособление — столяры называют его стулом,— помогающее отпиливать части брусков и фанерные накладки точно под углами 90° и 45° (рис. 4). Оно состоит из доски — основания (А) ($2 \times 20 \times 40$ см), бруска (Б) (2×6 , 5×40 см) и двух брусков (В)

Юные техники в лагере.

(2×6×40 см). Сбейте гвоздями из них желобок, в который вставляются распиливаемые бруски или фанерные полоски, и сделайте в брусках (В) пропилы под углом в 90° и 45°. Если вы вставите плотно пилы в соответствующие пазы, распил у вас будет точный.

Материалом для наших работ будут деревянные бруски 2×2 см или 2×1 см разной длины, но лучше всего 1,5 метра. Нам потребуются также фанера, лучше всего полосами шириною по 6 см. Для скрепления деталей нужны гвозди длиной 15—20 мм. Полезен также казеиновый клей,

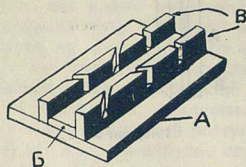

Рисунок 4.

который увеличивает прочность построек, но можно обойтись и без него.

Оборудовав мастерскую, юные техники могут сделать в ней много полезных вещей для лагеря, построить много интересных моделей.

Витрина для газет

В лагерь прислали почту — газеты, журналы, письма. Всем хочется почитать «Пионерскую правду», посмотреть помещённые в ней рисунки, подумать над загадками и ребусами. Но на всех желающих газет не хватит. Как же быть?

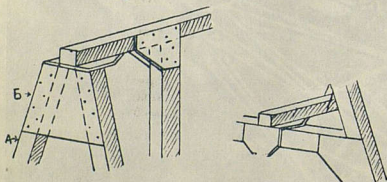
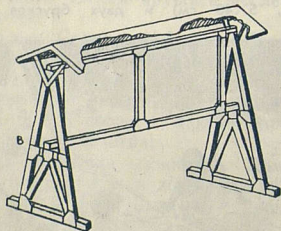

Рисунок 5.

Сделайте витрину и вывесьте газету.

Стойки витрины делаются (рис. 5) из двух брусков (А) длиной в 170 см, соединённых внизу бруском длиной в 60 см. Верхние концы брусков соедините накладкой (Б). На высоте 80 см между брусками стоек прибиты перекладина (В), укрепив её накладками. Обе стойки соедините между собой рамкой, на которой укрепляется газета.

Для рамки необходимы два бруска длиной 160 см и три по 60 см. Соедините их между собой с помощью накладок, как показано на рис. 5.

Крышу сделайте из двух полос фанеры, прибитых одним краем к продольному бруску по длине витрины. Рис. 5 поясняет крепление крыши к стойкам.

На одну рамку приколите кнопками «Пионерскую правду», на другой уместится «Комсомольская правда» или стенная газета лагеря.

Такая витрина удобна тем, что газеты можно читать сразу с обеих сторон.

Мольберт

У юных художников в пионерском лагере много дела: надо сделать зарисовки окружающей местности, срисовать растения и животных, сделать иллюстрации для лагерного дневника. Художникам полезно сделать лёгкие складные переносные мольберты (рис. 6). Рисовать на мольберте гораздо удобнее, чем на фанерке, положенной на колени.

Для мольберта нужны три бруска длиной 1,5 метра, они будут служить ножками. Бруски соединяются в верхней части мольберта — головке. Её мы сделаем из двух фанерных дощечек (А), соединённых между собой двумя брусками (Б) длиной 20 см. Между выступающими вниз концами брусков на оси-гвоздике (В) укрепите заднюю ножку (Г). Боковые ножки (Д) тоже на осях-гвоздиках (Е) укрепите между фанерными дощечками (А).

Полочку для установок подрамника или картона с листом бумаги мы сделаем из бруска длиной в 50 см, прибив гвоздиками к одной его стороне фанерную полоску шириной в 5 см и длиной в 50 см. К мольберту полочку надо прикрепить двумя гвоздями, один из них (в правой ножке) будет служить осью для поворота столика при складывании мольберта. Второй гвоздик (шипилка) вставляется в отверстие полочки левой ножки; при складывании мольберта этот гвоздик вынимается.

За день можно сделать десяток таких мольбертов.

Рисунок 6.

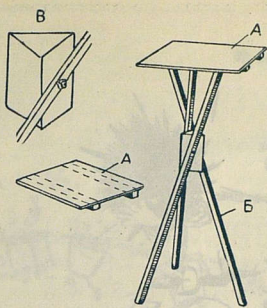

Рисунок 7.

Топографический планшет

Увлекательная работа — топографическая съёмка на местности. Снять и вычертить план своего пионерского лагеря и окружающей его местности может каждое звено. Надо только купить в магазине компас, а остальные приспособления — планшет, подставку к нему и линейку — можно изготовить самим.

Планшетом (А) может служить кусок фанеры 50×50 см, к которому снизу для жёсткости прибиты два бруска (рис. 7). Опорой планшета при работе служит треножник из трёх брусков (Б) 2×2 см, длиной в 120 см, соединённых одной общей трёхгранной деревянной призмой (В), стороны которой имеют ширину в 4 см. Длина призмы — 10 см. Бруски треноги привёрнуты к призме (В) шурупами. Около этих шурупов они могут поворачиваться при складывании треноги для переноски.

Садок для животных

Много интересных наблюдений можно сделать в живом уголке пионерского лагеря, где в садках-клетках живут птицы, грызуны, ежи, ужи, лягушки, насекомые. Такие садки (рис. 8) нетрудно сделать в нашей мастерской.

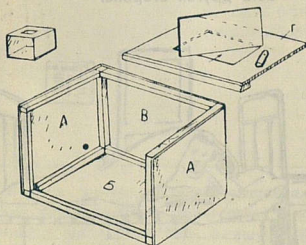

Рисунок 8.

Садок имеет три стенки, дно и покрывку, сделанные из фанеры. Передняя стенка делается из стекла (в садке для насекомых) или из металлической сетки.

Размер двух боковых стенок (А) — 40×40 см. По краям квадратов прибейте бруски, а к ним дно (Б), заднюю стенку (В) и крышку (Г).

В крышке надо сделать отверстие 20×30 см для чистки садка и кормления животных. Это отверстие прикрывается стеклом или куском фанеры. К передней кромке крышки надо прибить брусок длиной 56 см. Такие же бруски прибиваются и по длинным сторонам дна.

Если в садке будут жить птицы, внутри его укрепите сухие ветви или палочки, поставьте кормушку и поилку. Для ежей и других небольших животных насыпьте на дно песок и часть его прикройте сухой травой. Для ужей и ящериц положите на песок куски коры, под которыми они могут прятаться.

Ботанический пресс

Юным ботаникам необходим ботанический пресс для собранных растений. Они могут его сделать сами. Для этого надо отрезать от брускового заготовок четыре палочки длиной в 40 см и четыре — длиной в 30 см и выпилить из фанеры восемь угольников. С помощью гвоздей и угольников-накладок сделайте две рамки (рис. 9).

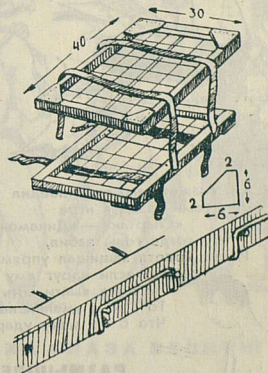
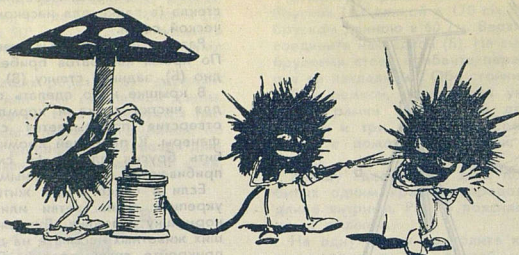

Рисунок 9.

В боковые стороны рамок вбейте гвоздики на расстоянии 5 см друг от друга. Сетку сделайте из мягкой железной или медной проволоки (0,6—1 мм диаметром), натянув проволоку на гвоздики на боковых сторонах рамки. Выступающие концы гвоздиков загните, они закрепят проволоку и не будут мешать. Прикрепите к рамкам завязки, они нужны для зажимания растений, проложенных между листами бумаги для сушки.

Н. Митрофанов

КАЯК СЫ

СЕВА-ТЕОРЕТИК

В ТИХИЙ ЧАС

Наш Андрей со всеми вместе
Днём ложится честь по чести...
В нашей спальне тишина...
С головою в одеяле —
Вот он сладко спит. Видали?

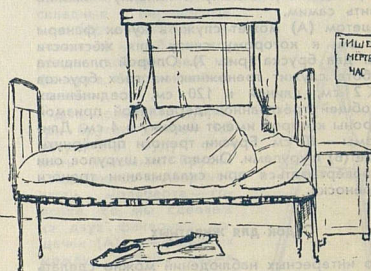
Он скажет вам, кто победил
Лет семь назад в игре
«Спартак» — «Динамо»,
И кто тогда голы забил,
И кто ворота защищал упрямо,

Но если вдруг ему придётся
На поле выйти хоть на час,—
То в нём умения не найдётся,
Что б по мячу ударить раз.

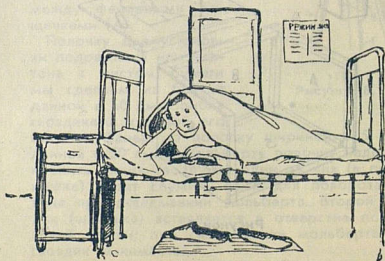

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА БЕРЕГУ

Он стоит на берегу,
Сердце зависть гложет:
Почему я не могу,
А мой Шарик может?

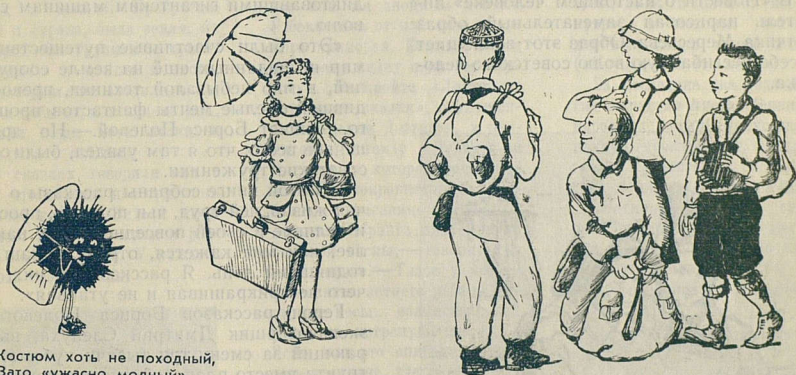
...Но у всякой, у медали
Есть другая сторона.

МЕЧТЫ РЫБОЛОВА

ЛЯЛЯ СОБИРАЕТСЯ В ПОХОД

Костюм хоть не походный,
Зато «ужасно модный».

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ!

В этом номере «Клякс» участвовали Миша Верхоланцев (г. Весьегонск) и московские школьники Лёва Зуенков, Юра Крылов, Володя Плужников, Лёня Кацнельсон, Гриша Матлин.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Ребята, вы, конечно, читали и хорошо знаете книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» и «Мы — советские люди».

Государственное издательство детской литературы выпустило новую книгу Бориса Полевого — сборник рассказов, объединённых общим заглавием «Современники».

В «Повести о настоящем человеке» писатель нарисовал замечательный образ лётчика Мересьева. Образ этот воплощает в себе негибаемую волю советского человека.

Мария Болдырева и Зоя Полякова.

Рисунок Н. Жукова.

Герои новой книги — это люди, работающие на наших грандиозных стройках. Их характеры типичны для современников нашей великой эпохи.

Чтобы собрать материал для своей новой книги, писатель много путешествовал. Он был на строительстве канала Волга — Дон, видел машины, напоминающие сказочных богатырей, встречался с людьми, диктовавшими гигантским машинам свою волю.

«Это были счастливые путешествия в мир не виданных ещё на земле сооружений, в мир небывалой техники, превосходящей смелые мечты фантастов прошлого, — пишет Борис Полевой. — Но драгоценнее всего, что я там увидел, были сами советские труженики.

...В этой книге собраны рассказы о тех, чья жизнь, чей труд, чьи подвиги, простые и великие в своей повседневности, наиболее, как мне кажется, отразили наш сегодняшний день. Я рассказал о них, ничего не приукрашивая и не утаивая».

Герои рассказов Бориса Полевого — экскаваторщик Дмитрий Слепуха, выбирающий за смену три тысячи кубометров грунта вместо плановой тысячи, командир землеройных гигантов Лев Ермолин, знаменитый скреперист Виктор Мохов, девушки-электросварщицы Маша Болдырева и Зоя Полякова, молодой шофёр Юрий Пронин и многие другие. У всех у них разные характеры. Но у них есть общее: патриотизм, любовь к труду, ясное понимание конечной цели, во имя которой они трудятся. Все они волевые, энергичные люди, умеющие преодолевать трудности, неустанно совершенствующие свои знания и расширяющие свой кругозор.

Инженер Грета Шекланова (герой рассказа «Начало пути») приехала на стройку сразу по окончании института. Не только знания, но выдержку и муже-

ство надо было проявить молодому инженеру. Были моменты, когда ей казалось, что она переоценила свои силы, что никогда не донять ей строительства, которое представлялось сложным и непонятным организмом. Но Грета Шекланова сумела преодолеть сомнения и временные неудачи. В непрерывной борьбе с трудностями, в постоянных поисках новых методов к ней пришло и мастерство. Она стала не только хорошим инженером, но и новатором своего дела.

Борис Полевой рассказывает и о том, как жили раньше его герои, об их участии

в Отечественной войне. Ещё ближе и дороже становится читателям знаменитый экскаваторщик Дмитрий Слепуха, когда они узнают о героических эпизодах его жизни в годы Великой Отечественной войны.

Яркие, живые портреты современников, героев нашего времени, создал в своей книге Борис Полевой.

Прекрасные портреты героев, которые сделал художник Н. Жуков, дополняют образы, созданные писателем.

Е. Резникова

ЦАРСТВО КРАСОТЫ И ПРАВДЫ

Очень рано почувствовали люди красоту. Рано пробудилось у них стремление к искусству, такое же сильное, как голод и жажда. Прекрасна, хотя и сурова, была земля, на которой они трудились, красивые цветы и птицы в лесах, по которым они бродили в поисках добычи, и, глядя на них, начали люди петь песни и складывать сказки.

В сказках говорили они о том, что видели, и о том, чего горячо желали. Видели люди разное: ведь они жили в разных концах земли. У каждого народа свои сказки.

Иллюстрация художника И. Кузнецова к сказке М. Горького «Случай с Евсейкой».

Сказки народов нашей страны отличны друг от друга, как отличны тучные степи Украины от зубчатых Кавказских гор или же знойный пейзаж Узбекистана от пейзажа северного приморья. Каждый народ по-своему видит и рисует красоту... Раскройте «Литовские народные сказки», выпущенные недавно Детгизом, и прочитайте легенду «Неринга и Наглис», в которой рассказывается о покровительнице рыбаков — красавице Неринге. «Ростом Неринга выше самой высокой сосны,— говорится в этой сказке.— Глаза у неё — как синева летнего неба, а янтарные косы... волнистые, как Неман в ветреную погоду...» Ясно, что это описание родилось в стране, где растут высокие сосны и море выбрасывает на песок прозрачный янтарь.

Совсем по-иному показана красота в таджикских преданиях. Жаркое солнце освещает горную страну таджиков, густорозовые цветы урюка и миндаля в синем небе, по ночам над вершинами плывёт огромная, действительно сказочная луна... И в «Таджикских народных сказках» мы читаем о волшебной рыбке Гульдор, покрытой цветами от головы до хвоста и переливающейся раз-

ными красками, как лунный камень (сказка «Сын рыбака и рыбака Гульдор»), о девушках, чьи лица, «как полная луна», зубы, «как индийский перламутр», а локоны, «словно длинные капли живой воды» («Музаффар и его конь»).

За последние два года Детгиз выпустил много сборников народных сказок. Искусство и науку прославляют мудрые сказки узбеков. А в амурских легендах (сборник сказок Д. Нагишкина «Самые сильные») рассказывается о жестокой борьбе с природой, о своем нравном старике Амуре, от которого зависит жизнь рыба-

Иллюстрация художника А. Лаптева к литовской народной сказке «Полозай в торбу!»

Иллюстрация художника Л. Фейнберга к таджикской сказке «Сын рыбака и рыба Гильдор».

ков, о женщинах, которые прекрасны, сильны и умны.

Одна за другой проходят перед нами красавицы — героини сказок, и в этом красочном хороводе по-особому мила простодушная русская девица, га, которую даже змей не решился съесть: так растрогала она его своей красотой... Сказкой о ней и о добром богатыре Никите Кожемяке открывается сборник «Добрый молодец», где так же, как и в книге «Золотой кубинин», собраны сказки разных народов.

И вот, читая эти сказки, мы видим, что в них, несмотря на своеобразии каждой, много общего. Оказывается, чуть ли не у всех народов встречается легенда о красавице, похищенной чудовищем и спасённой бесстрашным богатырём. И мы догадываемся, что в этом предании сказался горький опыт людей, знающих, что добру часто угрожают злые силы. Но в этой сказке выразилась также и светлая вера, что зло будет побеждено.

Красоту можно рисовать по-разному, но правда и справедливость для всех честных и трудолюбивых людей одна. В каждом простом, добром серд-

це живёт убеждение, что злые силы — будь то змей, мор или война — рано или поздно будут сокрушены отважным богатырём.

У белорусов он называется «Асйлак» (сказка «Асйлак и змей»), у украинцев — «Покатигорсьиек», у башкир — «Непобедимый Чемиг Чудзин», у народностей Дальнего Востока — «Киле Бамба»... Плохо жилось Бамбе, но на подмогу ему пришёл другой богатырь — Леле — Иван русский, великодушный, добрый и могучий. Сказки о Никите Кожемяке, о Иване-Богатыре и Белом Поляне рисуют нам образ русского богатыря, способного на большое самоотвержение и великую дружбу.

О великодушном, щедром сердце народного героя пишут русские писатели. В сказках, собранных в книге «Лукоморье», вы встретите неизвестные большинству из вас увлекательные фантастические повести В. Одоевского и А. Погорельского, а также сказки, которые вы, конечно, читали, но которые всегда перечитываются по нескольку раз: чудесные поэтические произведения С. Аксакова, Л. Толстого, Алексея Максимовича Горького и других русских классиков.

Есть в этом сборнике и сказка Аркадия Гайдара «О Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его Твёрдом Слове». Помните, как попал Маль-

Иллюстрация художника В. Алфеевского к узбекской сказке «Сладкоголосый соловей».

чиш в плен к злому Буржуину?.. Спрашивает у Мальчиша Буржуин: «Нет ли тайного хода из вашей страны во все другие страны?» И отвечает ему Мальчиш: «Есть и глубокие тайные ходы. Но сколько бы вы ни искали, все равно не найдёте... А и нашли бы, так не завалите, не заложите, не засыплете...»

И вот, читая народные сказки, вы особенно ясно понимаете, что это за ходы такие... Это дружеские связи между народами, между простыми людьми всего мира, чьи сердца так же, как и сердца наших людей, хотят мирной, творческой жизни, правды и красоты.

Ю. Новикова

Иллюстрация художника А. Якобсона к мансийской сказке «Мими-Хыли — богатырь».

Иван Фёдоров — первопечатник

Почти четыреста лет назад по приказу царя Ивана Грозного была построена первая в России типография.

19 апреля 1563 года типография начала работать. Эта дата считается началом русского книгопечатания.

Основателем книгопечатания был дьяк Иван Фёдоров. Этот замечательный русский человек упорным, многолетним трудом, несмотря на гонения и преследования реакционных бояр и духовенства, создал русское печатное дело. Можно поистине удивляться исключительному многообразию его способностей и изобретательности. Он был художником-иллюстратором и гравёром, литейщиком и наборщиком, печатником и переплётчиком, столяром и механиком. Каждая деталь первой русской типографии сделана его руками — и сделана мастерски.

Первая книга, выпущенная Иваном Фёдоровым в 1564 году, была церковная книга «Апостол». Экземпляры её сохранились до нашего времени. Эта книга — замечательное произведение типографского искусства XVI века.

В 1909 году в центре Москвы был установлен памятник Ивану Фёдорову — первопечатнику. В одной руке он держит только что отпечатанный лист книги, другую положил на типографский станок. Таким запечатлел его образ скульптор С. М. Волнухин. Таким он остался в памяти нашего народа — скромный, неустанный труженик и великий русский просветитель XVI века.

ПОВЕСТЬ О ДВУХ ДРУЗЬЯХ

Эта книга о далёком прошлом.

На правом берегу реки Ангары раскинулся городок Иркутский. За крепкими бревенчатыми стенами этого городка стоял дом воеводы, а вокруг него — дома воеводских казаков и купцов. Избы работных людей, подёнщиков, ремесленников и крестьян были расположены поодаль, на отшибе. Здесь жил сын кузнеца Артамошка Лузин.

Тяжёлой была жизнь Артамошки. Отец его с такими же бедняками, как и он, ушёл от произвола воеводы в деса. С малых лет Артамошка был в услужении у воеводы. Мать Артамошки умерла рано. Немало обид терпел Артамошка.

Другой мальчик — эвенк Чалык — жил в тайге, в дружной семье сильных, свободолюбивых людей. Родные любили Чалыка, заботились о том, чтобы он вырос сильным человеком и опытным охотником. Но воеводские казаки и купцы погубили его семью, а Чалыка взяли в плен. Артамошка и Чалык стали друзьями.

О том, как сложилась судьба этих мечтавших о воле мальчиков, вы узнаете, прочитав историческую повесть Г. Кунгурова «Артамошка Лузин», выпущенную Государственным издательством детской литературы.

Е. Жуковская

ТАЙНЫ ПОДВОДНОГО МИРА

В этом номере вы прочли очерк А. Дорохова «Тайны подводного мира». Если вы хотите узнать подробнее о жизни морей, прочитайте эти книги:

Тарасов Н. И. «Море живёт». Военгиз. 1949 г. Из этой книги можно узнать много интересного о жизни наших морей и о том, как собирать коллекции морских растений и животных.

Богоров В. Г. «Животный мир морей и океанов и его хозяйственное значение». Географгиз. 1952 г. «Жизнь моря». «Молодая гвардия». 1950 г. Автор этих и многих других книг профессор-океанолог В. Г. Богоров рассказывает в своих книгах о морях и океанах, о птицах, рыбах, моллюсках, китах и других животных, живущих в воде; о подводных лесах; о работах советских учёных, изучающих подводный мир. В книге «Жизнь моря» множество иллюстраций.

Дарвин Чарлз «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Географгиз. 1953 г. В этой книге великий естествоиспытатель Чарлз Дарвин рассказывает о своём кругосветном плавании и описывает растения и животных, которых он видел в южных морях.

ИЮЛЬ

По народной пословице, июль — лету макушка, году середка. Это самый жаркий месяц. Всё цветёт, всё созревает. Летят по ветру белыми облачками семена тополей, а пройдёте по траве — обязательно пристанут к подолу семена различных сорняков. Прицепившись к вашей одежде, к шерсти зверей, они непрошеными пассажирами переселяются на новые места.

А ягоды, грибы! Вы уже, наверно, не одно полное лукошко принесли из леса. Когда пойдёте по грибы, по ягоды, вам наверняка попадутся по дороге травы-лекарки. Давайте познакомимся с некоторыми из них! Вот по обочинам дорог, по краю канав, на пустырях и на межах подорожник поднимает из зелёной розетки листьев стрелочку своего соцветия. В народе листья подорожника издавна применяются как успокаивающее средство при ожогах, укусах комаров и пчёл, при потёртостях. Если в пути вы натёрли волдырь на ноге, прибинтуйте лист подорожника — сразу станет легче.

В многочисленной семье шалфеев тоже есть целитель болезней: шалфей лекарственный. Он цветёт в поле розовато-сиреневыми кистями. Настой его листьев облегчает зубную боль и полезен для полоскания больного горла.

Питьё из жёлтых цветов зверобоя принимают при желудочных болезнях, а невзрачные цветы дикой или собачьей ромашки служат лекарством при многих болезнях — и внутренних и наружных.

По лесам и кустарникам, среди высокой травы вы, может быть, увидите ещё одно интересное растение: на высоких стеблях красивыми султанами возвышаются бледножёлтые цветы, похожие на шлемы древних воинов. Это наперстянка. Она поднимает на ноги людей, у которых ослабевшее, больное сердце уже отказывается работать. Но горе тому, кто на свой риск, без совета и наблюдения врача вздумал бы лечиться наперстянкой: возрастающая жизнь, она может и убить, если принимать её неправильно.

В наших лесах, полях и лугах великое множество растений-целителей. Народный опыт в незапамятные времена открыл их полезные качества. Многие из этих растений уже давно вошли в медицину. Год за годом проверяя состав и действие сотен и тысяч различных трав, употребляемых в народе, учёные обнаруживают, что все эти травы содержат лекарственные вещества, которые известны медицине.

Слышали вы когда-нибудь о растениях-охотниках и о растениях-рыболовах? Вы можете их увидеть своими глазами.

Охотники жирянка и росиянка растут на мягком и влажном мхе-сфагнуме, который, словно ковёр, устилает торфяное болото. Жирянка очень красива. У неё лилово-синий цветок на черновато-коричневом стебле, а у самой земли, вокруг стебля, светлозелёная розетка листьев. У каждого листочка края завернуты трубочкой, и от этого в середине листа получается что-то вроде корытца. Как только насекомое вползёт или усядется на листочек, оно прилипает к капелькам бесцветной клейкой жидкости, покрывающей корытце. И тотчас листочек начинает выделять другую, кислую, жидкость, похожую на желудочный сок. В этой жидкости все белковые вещества, из которых состоит насекомое, растворяются, «перевариваются», как мясо в желудке человека и животных. Если ветром нанесёт на листок песчинку, соломинку, щепочку, жирянка не будет захватывать эти несъедобные предметы.

А вот и вторая, ещё более интересная охотница за живыми существами. Её вы можете найти по соседству от жирянки, иногда на той же мшистой кочке. Это росиянка. У неё тоже стройный стебелёк, как у жирянки, но он заканчивается колосом невзрачных мелких цветов. Пока цветы в бутонах, верхушка стебля свернута спиралью. У корней розетка странных листьев, похожих на ёжики. Листочки, бледнозелёные, почти жёлтые, просвечивают через густую сеть ресничек с красными булавочными головками на концах. В середине листа реснички короткие и торчат вверх; чем дальше к краю, тем они длиннее и похожи на растопыренные пальцы какой-то странной многопалой руки.

Да они и действительно, как пальцы! Вот неосторожная мошка с разлёта усе-лась на листок и приклеилась к липкой красной головке. И тотчас приходит

Зверобой

Жирянка

Наперстянка

Белый гриб

Масляк

Рыжик

Росанка

в движении реснички, сначала соседние, потом дальние. Одна за другой они поворачиваются и наклоняются к маленькой крылатой пленнице, и вот уже к ней прижались десятки липких красных головок. Проходит час, другой... Листочек перестал походить на ёжика, он теперь словно кулак, в котором крепко зажата добыча. Через несколько дней снова раскрываются «пальцы», но вы уже не найдёте насекомого: от него остались только сухие крылышки и лапки.

Если встретится вам росанка на торфянике, выкопайте её осторожно и вместе с окружающим мхом пересадите в банку. Вы сможете кормить её маленькими кусочками мяса или варёного яйца, и, если у вас не очень сухо, росанка будет отлично себя чувствовать.

А растение-рыболов — это пузырчатка. Она живёт в тихих, слабо проточных водоёмах, плавая близ поверхности воды. Между её листочками, похожими на зелень укропа, расположены прозрачные пузырьки-ловушки. В них попадает всевозможная водяная мелочь. Даже мальки мелкой рыбёшки становятся добычей хищной пузырчатки.

Не только для цветов, но и для зверей июль — лету макушка. Уже подросли детёныши, рождённые ранней весной, и пенцы, высиженные в мае — июне. Молодые норки, хори, горностаи почти догнали в росте своих родителей и сами, без старших, ходят на охоту. Глухарята из пушистых, маленьких птенчиков, какими они были в начале июня, превратились в довольно больших птиц, размером с белую куропатку. Они уже оперились и начинают перепархивать с места на место. Учатся летать и тетеревята. Молодые ястреба покидают родные гнёзда. Зайчата, родившиеся в марте, стали теперь совсем самостоятельными молодыми зайцами, а у взрослых зайчих уже народились новые, летние зайчата. Костелли тоже выводят второе потомство: в июле, в разгаре лета, они начали вторую кладку яиц.

И всё же, правильна ли пословица, что июль — лету макушка, году середка? Зоолог, ботаник, пожалуй, согласятся с этим, а вот у астронома мнение будет иным. В астрономии серединой лета считается 22 июня — день, когда солнце дальше всего остаётся на небе, время летнего солнцестояния. После летнего солнцестояния день начинает укорачиваться, ночь удлиняется, напоминая нам о приближении осени.

На июльском небе около полуночи вы можете найти созвездие Персея. Оно находится близ знакомого уже вам, хорошо приметного созвездия Кассиопеи. Кассиопея видна справа от Полярной звезды, а Персей — вниз от Кассиопеи. По сказаниям-мифам древней Греции, Персей был славным героем, совершившим много подвигов. Греки считали, что созвездие Персея изображает героя Персея, который спешит на помощь красавице Андромеде, чтобы спасти её от чудовища.

В созвездии Персея есть звезда Алголь, вот она помечена тут на рисунке. Алголь — искажённое европейцами арабское слово Эль-Гуль, что значит дьявол. Так назвали эту звезду средневековые арабские астрономы, заметив, что она регулярно изменяет свой блеск. Они не могли понять, почему это происходит, и, конечно, решили, что здесь замешано какое-то дьявольское происшествие. На самом деле, это переменная звезда, но не такая, как Цефеиды, о которых мы рассказывали в прошлом номере.

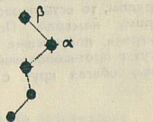
Цефеиды действительно меняют свою яркость, а перемены Алголя только кажущиеся. Алголь состоит из двух звёзд, одна из которых ярче, другая темнее. Когда вы видите, что Алголь потускнел, это значит — происходит затмение: тусклая звезда закрыла от нас яркую. Наблюдая за Алголем несколько дней подряд, вы, ребята, сами сможете заметить в нём перемены. Полная картина изменений блеска Алголя происходит за 2 дня, 20 часов, 48 минут, 55 секунд. Время, когда он кажется наименее ярким, то есть время полного затмения, длится всего 15—18 минут.

Все звёзды, которые изменяют свой блеск из-за того, что они двойные и у них происходят затмения, называются теперь алголями. Семейство звезд-алголей на нашем небе очень велико.

Ромашка

Кассиопея

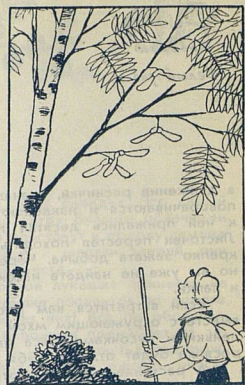

Персей

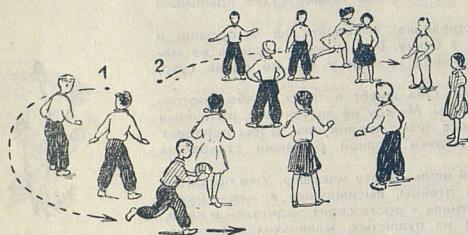

Вы видите на рисунке необычное дерево: в нём соединяется то, что в действительности принадлежит трём различным деревьям.

Скажите: какие это деревья и что взял художник от каждого из них, рисуя это необычное, фантастическое дерево?

БЕГ С МЯЧАМИ

Играют десять — двенадцать человек. Они становятся по кругу на расстоянии вытянутых рук один от другого и рассчитываются на первые и вторые номера. Так в одном кругу составляются две команды. Все первые номера — одна команда, все вторые — другая.

Ведущий даёт волейбольные мячи двум игрокам, стоящим рядом, то есть первому и второму номерам. По сигналу игроки, получившие мячи, бегут в противоположные стороны, обегая круг с внешней

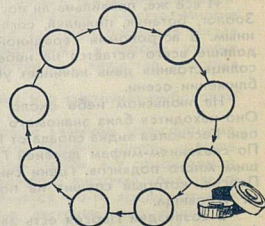
стороны. Каждый из этой пары, вернувшись на своё место, немедленно бросает мяч ближайшему товарищу по команде. Этот игрок, поймав мяч, обегает с ним круг, возвращается на своё место и отсюда перекидывает мяч дальше через одного человека.

Побеждает та команда, в которой все игроки поочерёдно пробегут по кругу и возвратят мяч тому, кто начинал игру, раньше, чем это сделают ребята из другой команды.

ЗАМЫСЛОВАТОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ

Начертите на бумаге такую фигуру, как показано на рисунке, но увеличьте её примерно втрое.

Возьмите восемь шашек или монет и попробуйте решить головоломку. Разместите шаш-

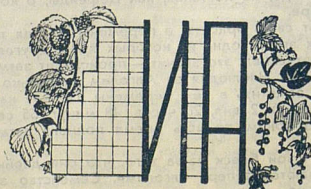

ЛЕСНЫЕ ЯГОДЫ

Занимая каждую клетку одной буквой, напишите в горизонтальных рядах названия ягод, которые созревают в наших лесах летом и в начале осени.

Буквы «И» и «А», как видите, входят в каждое из этих названий.

Задачу составил
Галиев Хантимер

ки в восьми кружках, соблюдая следующие условия: прежде, чем положить шашку в кружок, надо каждый раз отсчитать по ходу часовой стрелки два кружка подряд и затем следующий кружок — третий — занять шашкой. Счёт всегда должен начинаться от свободного кружка, второй по счёту кружок может быть занят шашкой или свободен.

Какой кружок останется свободным после размещения всех восьми шашек, это различно.

М	И	В	О	С	И	Щ	Ц	В	А	К	Э	Л	З	И	Е	В	Ы	Н	К	М				
Ц	Н	Г	С	К	Т	Ш	И	С	Л	И	С	Ц	Б	Х	А	К	У	Т	А	Л	Ш	П	К	Е
Н	Т	Е	П	Е	Т	Р	О	З	А	В	О	Г	С	К	К	И	Щ	М	Е	Н	И	Н		
Е	В	А	Р	И	Ц	А	С	Ж	Т	А	И	Х	А	Б	А	Д	В	Ц	И	Л	И	Н		
Ю	С	Й	Ф	Р	У	Н	З	Р	Е	А	Л	А	У	А	Т	А	Щ	Д	Х	А	Б	А		
Д	О	Б	С	Е	Р	Е	В	О	К	В	А	Н	Л	Р	С	Т	А	Л	Н	Л	И	Н		

На клетчатой бумаге скопируйте эту фигуру и написанные в ней буквы. После этого затушуйте 41 клетку фигуры, но с таким расчётом, чтобы при чтении оставшихся букв по горизонтальным рядам составили названия столиц шестнадцати Союзных Советских Социалистических Республик.

Какие клетки вы затушуете и какое слово образуется при этом из затушёванных клеток?

С. Коваленко

ПОСТАРАЙТЕСЬ ВСПОМНИТЬ

- Известно, что многие строки из басен И. А. Крылова стали пословицами и поговорками. Приведите пять примеров, которые подтверждали бы это.
- Даты рождения и смерти

великого русского поэта отличаются только порядком двух последних цифр. вспомните эти даты и назовите имя поэта.
3. У одного персонажа в повести Н. В. Гоголя, по словам автора, голова была похожа на

редьку хвостом вверх, у другого — на редьку хвостом вниз. Скажите, что это за повесть, и назовите имена героев, внешность которых так смешно и метко охарактеризовал автор.

ОТВЕТЫ

на задачи, помещённые в № 6

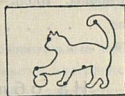
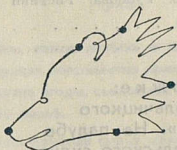
Народные загадки

Радуга. Дождь. Берёзы. Кулик. Пчёлы. Жук. Подсолнечник. Комар. Рыба. Гриб. Изгородь.

Три столицы

- Могилёв. 2. Витим. 3. Мурманск. 4. Кутаиси. 5. Иркутск. 6. Каунас. 7. Сочи. 8. Иваново.

ПЯТЬ ТОЧЕК

В ответ на задачу «Забавное рисование» (журнал «Пионер» № 1. 1953 г.) многие ребята прислали в редакцию свои рисунки, которые сделаны соответственно условиям: непрерывной линией, проходящей через пять точек.

Мы помещаем здесь наиболее удачные рисунки. Ласточку и кошку с мячом нарисовали московские школьники Вова и Витя Ромашовы, голову медведя — Виктория Струэнэ из Ростова-на-Дону, клоуна — Таня Арулина из села Красно, Орловской области, собаку — Галя Чекрыгина из города Алма-Аты.

- Онежское. 10. Ереван. 11. Николаев. 12. Вильнюс. 13. Смоленск. 14. Кама. 15. Архангельск. Из букв, написанных в затушёванных клетках, составляется: Москва, Киев, Минск.

Преобразование слов

(Возможный вариант решения)

укор	шина	жало
убор	вина	сало
убой	виза	село
удой	риза	сено
удод	роза	сени
урод	поза	пени
урок	пора	пень
	нора	лень
	ноша	луны
	виша	луна
		лужа
		ложа

Имена полководцев

Читая буквы, расположенные в клетках круга, надо всё время пропускать по тринадцать клеточек. Тогда, двигаясь по ходу часовой стрелки, вы прочитаете имена трёх замечательных русских полководцев: Дмитрий Донской, Александр Невский, Пожарский.

Какое число!

Число 686;	989
	—
	686
	303

СОДЕРЖАНИЕ

Партизан Лёня Голиков.— Повесть Юр. Королькова. (Продолжение.) Рисунки П. Баранова и Н. Евла- новой	2
Строки — молнии, голос — гром! — Лев Кассиль	23
Тайны подводного мира.— А. Дорохов. Рисунки В. Фе- дьявской	29
Кампания красного галстука.— Людвик Эшкенази. Перевела с чешского Е. Елина. Рисунки Б. Ви- нокурова	35
Путешествие в XIII век.— Из дневника юных истори- ков 8-й сталинградской школы	45
Моё любимое занятие. На рыбалке.— Витя Маркин . Уляничий и «купленные мальчики». Житомирская гимназия. Главы из «Истории моего современ- ника» В. Г. Короленко. Рисунки Г. Филиппов- ского	49
Соль и золото.— Словацкая народная сказка. Пере- сказала Божена Немцова. Перевела Надежда Бе- линович. Рисунки И. Кузнецова	67
Кавказские рассказы.— Владимир Коновалов. Рису- ки В. Трофимова	72
За рулём.— Н. Александрова	76
Нина ищет подругу.— Фельетон А. Валевского. Ри- сунки И. Семёнова	81
Мастерская «Золотые руки» в пионерском лагере.— Н. Митрофанов	83
Кляксы	86
В мире книг	88
Календарь природы. Июль.— Е. Рубцова. Рисунки П. Рябова	92
В часы досуга	94

На обложке:
рисунок Н. Кольчицкого
«Из глубин моря». На палубе
научно-исследовательского судна.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И.,
Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Рукописи не возвращаются.
Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

А 02844. Подп. к печ. 23/VI 1953 г. Форм. бум. 82 × 110¹/₁₆. Бум. листов 3,06. Печ. листов 10,05
Тираж 140 000 экз. Изд. № 496. Заказ 1324.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

**СОБИРАЙТЕ И СДАВАЙТЕ НА БЛИЖАЙШИЕ
ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ПУНКТЫ СЕЛЬПО**

ЯГОДЫ

В СВЕЖЕМ ВИДЕ:

КЛЮКВУ
БРУСНИКУ

СУШЕНЫЕ:

МАЛИНУ
ЧЕРНИКУ
СМОРОДИНУ
РЯБИНУ

ГРИБЫ

БЕЛЫЕ
ПОДОСИНИКИ
МАСЛЯТА

ГРУЗДИ
РЫЖИКИ

и другие съедобные
доброкачественные
грибы

ДИКОРАСТУЩИЕ ЛЕКАРСТВЕННО- ТЕХНИЧЕСКИЕ РАСТЕНИЯ:

РОЖКИ СПОРЫШЫ
ЦВЕТЫ ЛАНДЫША
ШИШКИ ДИКОРАСТУ-
ЩЕГО ХМЕЛЯ
ПЛОДЫ ШИПОВНИКА
ЛИСТЬЯ КРАПИВЫ
ГОРИЦВЕТ
ЦВЕТЫ ЛИПЫ
БЕРЕЗОВЫЕ ПОЧКИ

Магазины, лавки, палатки и заготовительные пункты потребительской кооперации повсеместно принимают в неограниченном количестве свежие и сухие ягоды, съедобные грибы, дикорастущее лекарственно-техническое сырьё.

В пунктах приёма сырья можно получить консультацию по вопросам сбора, сушки и хранения сырья.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

Дадим нашей стране обильное количество доброкачественных ягод, съедобных грибов, лекарственно-технического сырья.

ЦЕНТРОСОЮЗ — ГЛАВКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ.

РЯБИНА.

ЛИПА.

ХМЕЛЬ.

СПОРЫНЬЯ.

ЧЕРНИКА.

ШИПОВНИК.

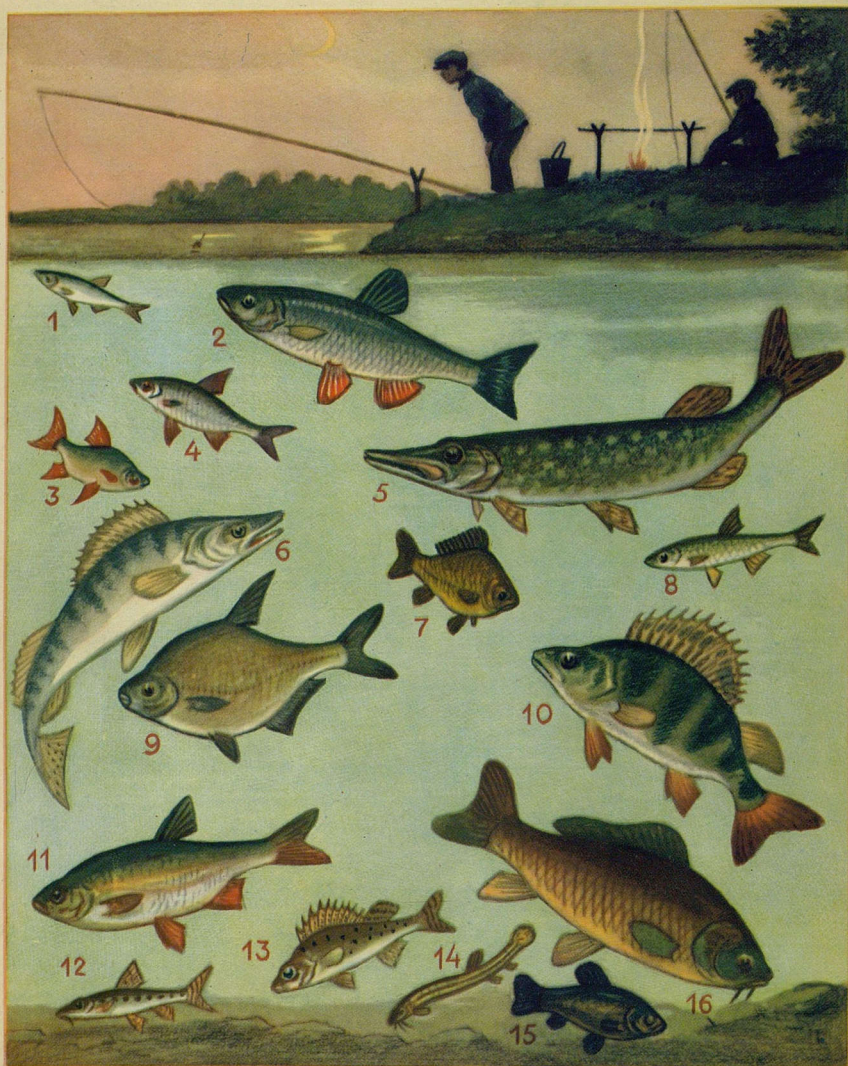
ЛАНДЫШ.

ПОДОСИНИК.

БЕЛЫЙ ГРИБ.

ГРУЗДЬ.

ОСЕННИЙ ОПЕНОК.

Здесь вы видите различные породы рыб, которые водятся в реках и озёрах средней полосы нашей страны: 1 — уклейка, 2 — голавль, 3 — красноперка, 4 — плотва, 5 — щука, 6 — судак, 7 — карась, 8 — елец, 9 — лещ, 10 — окунь, 11 — язь, 12 — пескарь, 13 — ёрш, 14 — вьюн, 15 — линь, 16 — сазан.